

Екатерина Сиванова

Исповедь мачехи

Екатерина Сиванова

Исповедь мачехи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8200073

Исповедь мачехи / Екатерина Сиванова: Webkniga; Москва; 2014

ISBN 978-5-905891-30-4

Аннотация

Автор от первого лица описывает историю женщины, пережившей в юности расставание своих родителей...

Повзрослев, героиня встречает того единственного человека, который делает ее счастливой. Вся их история пронизана правдой о том, что любовь существует не только в книгах и в кино. Вместе они не боятся ничего – ни бытовых трудностей, ни завистливых взглядов, ни злых языков... Вместе радостно встречают каждый новый день, работают и растят детей...

Распахнув свое сердце дочерям мужа от первого брака, героиня надеется, что девочки войдут в ее семью, станут ей родными. В какой-то момент одна из падчериц называет мачеху мамой, самым близким своим человеком... Беда подбирается к ним откуда не ждали.

Любовь, этот бесценный дар, дается далеко не каждому...

Екатерина Сиванова

Исповедь мачехи

Любое сходство с реальными людьми и событиями – не более, чем случайность

Маша!

Маша ты моя, Маша...

Раз ты держишь в руках эту книгу, значит, моя девочка стала уже совсем взрослой, и пришла твоя пора решать, как жить дальше.

Ну что же... Читай. Не спеши.

И думай. Много думай.

Ты уже знаешь, как это: слышать свое сердце? Послушай его! Оно не обманет.

Эту книгу для тебя придумал твой папа.

Как?

– Скажи! Скажи, что мне делать со всем этим? Я не хочу больше помнить все, что случилось с нами... Но я... Я не могу позволить себе забыть! Вырастет Маша, придет ко мне за советом... Спросит: «Мама! А что бы делала ты на моем месте? Я люблю его, он – меня. Но еще мой мужчина любит своего ребенка, которого ему родила другая женщина...»

Я сидела за столом на кухне в нашем Доме, размазывала

слезы по щекам, теребила в руках мокрый насквозь носовой платок и уже почти кричала на твоего отца. Мне так хотелось, чтобы он придумал хоть что-то, что спасет меня от тупой боли, которая сковывала все мои внутренности. Я даже была согласна на то, чтобы у меня вообще ничего не болело... Ни-че-го... Не болело и не чувствовало...

Твой папа не волшебник. Он самый обычный сильный мужчина, переживший и преодолевший многое. Но то, что тогда случилось с нашей семьей, почти сломало его. Этого не видели чужие. И даже свои не все замечали. Но я-то, я-то каждый день смотрела в глубину его глаз и чувствовала, каким холодным и черным становилось то, что есть внутри каждого сильного человека. Увы... Я никак не могла согреть его. Не могла помочь. Впервые в нашей общей жизни мы упали вдвоем.

– А ты напиши... – задумчиво ответил мне твой отец.

– Что?!

– Напиши... Книгу... Обо всем, что случилось... Напиши и забудь. А когда Маша спросит у тебя совета, ты просто отдашь ей книгу. Она прочтет и примет свое решение.

– Но я никогда ничего не писала... А уж книги тем более.

– А ты попробуй, Катюш! Я же не предлагаю тебе писать роман. Просто расскажи Маше все, как было на самом деле, так, как рассказывала бы ей, сидя на нашей кухне... Вот здесь, в Доме...

И я начала наш с тобой разговор. Я говорила, говорила и сама поражалась, насколько точно я помню малейшие детали той нашей жизни. Из мелочей складывается целое. И поэтому я рассказывала тебе все: от самого начала до самого конца. И без утайки. Это важно. Ведь спустя много лет я могу не вспомнить. Просто не захотеть вспоминать... Все, о чем я рассказала здесь, – правда. Моя правда. Поэтому – Исповедь. В буквальном смысле этого слова.

Читай. Не спеши. И думай. Жизнь длинная... Но Боже мой, как она коротка!..

Мама

Мне было семнадцать лет, когда мои родители развелись. Когда папа ушел от мамы и оказалось, что он живет с другой женщиной. Мне было двадцать два года, когда я узнала, что у папы есть дочь, моя младшая сестра.

Я выросла в семье, где родители любили друг друга. Конечно, мама с папой ссорились, но я росла и знала, что любовь – это как у моих родителей, когда всегда вместе, и мама едет везде за папой, когда в отпуск можно без нас, но непременно вдвоем...

Всегда, при всех наших переездах, а их было много, мне на глаза попадался таинственный ящик, в котором лежали письма мамы и папы друг другу с самого начала истории их любви. Я росла и верила, что, когда стану взрослой, мне раз-

решат почитать эти письма, и именно в них я найду ответ на вопросы: как быть такой же любимой и как научиться любить?

Я выросла. Письма из ящика мама разорвала. Знаю, что оставила лишь те, где были описаны какие-то истории, связанные со мной и братом. Я их так и не прочитала. Великим даром любить родители наградили меня при рождении. Мне не понадобилось читать их письма...

Расставание родителей, окончательный уход от нас отца... Эта боль осталась со мной навсегда. Но боль детская и абсолютно эгоистичная. Теперь я знаю, что люди никогда не должны мучить друг друга, даже если когда-то сильно любили. Всякая история имеет свой конец. И он не всегда счастливый.

Когда мы остались одни, без папы, стало тяжело. Конечно, мы с братом были совсем взрослые, но это не избавило нас от переживаний. Рухнул мир. И понять причины этого я в семнадцать лет оказалась не в состоянии.

Отец был нужен мне всегда. В любом своем проявлении. До сих пор, будучи уже совершенно взрослой, мамой троих детей, встречаясь с папой, я стараюсь стоять только рядом с ним, сидеть только рядом с ним. Все время принимаю и пытаюсь уловить тот его запах из детства...

Не могу сказать, что, когда жили вместе, мы с папой много разговаривали. Но отец был огромной частью моего мира. Папа не просто ушел. Он перестал с нами общаться.

Я металась по городу, объезжая всех знакомых, сидела на лестнице в подъезде у сестры отца, потому что она никак не хотела открыть дверь на мой звонок, а когда все-таки ей пришлось со мной поговорить, то попросила: «Оставьте папу в покое, он и так с вами натерпелся...»

Я никак не могла узнать, где именно он живет. Бог свидетель, мне и тогда не надо было от отца ничего, кроме возможности слышать его голос и хотя бы изредка видеть его.

Хорошо помню, как мне удалось выяснить, в каком районе города и в каком доме отец снял квартиру. Я много часов провела во дворе, прежде чем вычислила подъезд, ну а квартиру нашла путем поквартирного обхода...

Помню выражение лица папы, когда он увидел меня за дверью, метнувшуюся тень в коридоре у него за спиной... Он сухо сказал мне: «Подожди» – и вынес неспелую грушу...

Помню, я спускалась по лестнице, сжимая в руках этот фрукт, и плакала... Но самым главным было то, что я его нашла!..

С тех пор мы никогда не теряли друг друга из виду. Хотя говорить о прежнем общении не приходилось.

Я не могла и не хотела лезть к отцу с разговорами и выяснением причин такого его поведения с нами – детьми. Из каких-то отдельных фраз сформулировала его принцип: «Ухо-

дя, уходи», но это никак не укладывалось в моей голове. Никак...

Потом стало ясно, что жена отца категорически против его общения с нами. Я понимала: она видит в нас не детей, а угрозу своему женскому счастью. Делить отца с нами не входило в ее планы. Догадываюсь, что довольно часто папа не ставил ее в известность о наших встречах. Хотя иногда передавал мне от своей супруги гостинцы. Правда, при этом говорил: «Ты сама это лучше не ешь, отдай собаке... Это из пайка. Просроченное...»

Совру, если скажу, что мне не было обидно. Было. Очень. Но мой папа – это рыцарь, принц, самый лучший на свете!.. Он просто запутался, его околдовали... Я никак не могла поверить, что он не любит меня. Знала: любит. Просто настали такие времена...

Когда у папы родилась дочь, спустя время меня даже позвали в гости. Сестре уже исполнилось полтора года. Находиться в одном помещении с женой отца и ребенком, который по определению занял мое место, оказалось непросто. И потом это постоянное чувство предательства по отношению к маме...

Чтобы как-то остаться в круге общения отца, я рвала себе душу и писала письма бабушке, его маме... Рассказывала подробно о своей жизни – работе, учебе. Бабушка очень обстоятельно мне отвечала и в конце каждого письма просила: «Береги папу, не расстраивай его, не обременяй, ему тяже-

ло...»

Я старалась все делать так, как просила бабушка...

А потом папа уехал из города, где мы жили. Хорошо помню тот вечер, когда он со своей новой семьей стоял у окна вагона и грустно смотрел на всех, кто пришел их проводить. А я плакала. Не стесняясь, навзрыд. Я так не хотела остаться без него! Я так его любила! Я такая была маленькая, папина Катя... Мне было двадцать три года.

Прошло много лет, и теперь все иначе.

Неизменным осталось одно: моя любовь к папе. И его любовь ко мне. Мы много говорим по телефону, пишем друг другу маленькие письма в Интернете, видимся. Мои дети гордятся дедом и любят его. Папа почти поверил, что мой муж достоин меня. Мачеха спокойно отвечает мне по телефону и присылает всегда с вниманием выбранные подарки.

Но за всем этим стоит почти целая жизнь, которая научила слышать, понимать и не замечать мелочи в обмен на главное: быть дочерью лучшего папы на свете.

Когда мне совсем грустно и очень хочется посидеть у папы на коленках, прижавшись к его груди и чувствуя, как он крепко-крепко обнимает меня, я читаю его письмо, присланное из долгой командировки в Новосибирск. Мне было пять лет, я уже умела читать печатные буквы.

«Здравствуй, Катенька!

Очень рад, что ты хорошо занимаешься на музыке. И даже поешь песни Аллы Пугачевой!

Если бы ты знала, как я скучаю без тебя, как совсем надоело жить без вас всех, без нашего дома...

Осталось еще немного, и я приеду. И мы будем весело жить, ходить кататься на коньках и на лыжах.

Будь умной и помни, что у тебя есть я, твой папа!»

Я встретила мужчину, который стал моей судьбой, когда мне только-только исполнилось двадцать пять лет. Абсолютно деловое знакомство, которое вылилось в роман.

Роман с женатым мужчиной. Не просто с мужчиной, а с мэром города, в котором я жила. Уверена, что тогда в нашем окружении не было ни одного человека, который верил бы в искренность наших отношений.

«Отношений» – это громко сказано. Буквально через месяц после нашего официального знакомства молодой мэр попросил разрешения прийти ко мне в гости. Открыв дверь и удерживая одной рукой своего верного и очень большого черного терьера, я сначала увидела цветы...

Цветы, цветы, цветы... А уж где-то за ними стоял Он. В кепке, темных очках и какой-то совершенно невразумительной одежде. Шикарный букет был поставлен в ведро (больше такое количество цветов никуда не помещалось), а мэр – послан мыть руки перед ужином. Все наше общение, начи-

ная с момента знакомства, носило с моей стороны абсолютно ироничный характер. Я и разговаривала-то со своим ухажем, все время отпуская каверзные шуточки, пытаюсь задеть и уколоть.

На ужин, не мудрствуя лукаво, я нажарила мяса и отварила картошки. С деньгами тогда была, мягко говоря, напряженка, да и производить какое-то впечатление на своего гостя мне не хотелось. Когда мэр попросился ко мне в гости, он сказал, что ему надо поговорить со мной о работе.

«Ну о работе так о работе. Мало ли какие обстоятельства у человека?» – подумала я. Так что незатейливое меню вполне соответствовало означенному формату встречи. Спиртное также не входило в мои планы.

Когда я увидела, что в руках у визитера только цветы, я немного разочаровалась: «Значит, точно про работу разговаривать пришел...» Потом усадила гостя за стол на моей маленькой кухне, положила в тарелку мяса и картошки и, извинившись, вышла в коридор, чтобы объяснить собаке, что вот уж так сильно нервничать не стоит.

А вернувшись за стол, обнаружила, что тарелка гостя действительно чиста. Будучи внимательной хозяйкой, я из вежливости спросила: «Может быть, добавки?» И тут же получила утвердительный ответ. Ну что ж, поставила перед мэром тарелку со своей частью ужина и села напротив. И только тогда увидела, как он ест! Он просто-напросто был голодный...

– А что, нынче мэров государство не подкармливает? –

кое-как сдержав свои настоящие чувства, отчего-то съязвила я.

– Ну разве может государство кормить так вкусно? – улыбнулся мой гость. – А если честно, то я просто уже очень давно не ел настоящей домашней еды. Знаете, Катя, моя мама... Вот моя мама очень вкусно готовит. Я так скучаю по той еде...

– А дома что? Вы же семейный человек. Или ужин только для тех, кто заслужил? – продолжала я ерничать.

– Я сейчас живу один. Дети и жена в отпуске, – сухо ответил мэр. Как-то сразу стало понятно, что мне надо остановиться и прекратить наконец свои издевки. Уж очень тоскливо была сказана последняя фраза.

– Теперь чай? – примирительно спросила я.

– А вы почему не ужинаете?

– А я очень не люблю, когда отвечают вопросом на вопрос.

– И все-таки?

– Молодым барышням вредно есть на ночь жареное мясо, – улыбнулась я.

– Ну тогда давайте пить чай. А хотите, я сам заварю его?

– Попробуйте...

Мы поменялись ролями. Теперь мэр стоял у плиты, а я сидела за столом и рассматривала его спину. Вру. Не спину. Я рассматривала его одежду: джинсы и футболку. И еще носки... Хорошо зная себя и свое отношение к тому, как одет

мужчина, я была удивлена своим эмоциям: во мне не возникло желаний отпустить колкость, связанную с неглаженной футболкой. Вдруг захотелось подойти и обнять этого мужчину... Мне так захотелось его пожалеть!.. Он был до звона в ушах неухоженным. Заброшенным. Но в мои планы совершенно не входил роман с женатым градоначальником, поэтому мысли про «обнять» я спрятала поглубже и выпалила:

– Интересно, в том районе города, где вы живете, с электричеством проблемы или у вас дома утюг сломался?

– Я так и знал, что мой внешний вид произведет на вас неизгладимое впечатление, – тут же ответил гость, уже подавая мне готовый чай. – Все в порядке и с электричеством, и с утюгом. Я дома только сплю. Вечером прихожу, включаю стиральную машину, утром развешиваю белье... Некогда мне гладить. Я изобрел новый способ глажки рубашек: только спереди. Между прочим, очень удобно и быстро. Главное, в течение рабочего дня не забыть про это, – смеялся мой гость, – а то снимешь пиджак, а под ним...

– Когда же вернется ваша семья?

– Перед началом учебного года...

– А кто вам сейчас есть готовит?

– Никто... Я дома и не ем совсем. В основном на работе, на встречах разных. Так что все нормально... Конечно, хочется домашней еды. Но у меня самого вечерами на это уже сил нет. Да и в магазин надо зайти, чтобы что-то купить. А мне как-то неудобно: люди смотрят, здороваются... Не хочу,

чтобы все видели, что я один. Совсем.

– Не вопрос: напишите мне список продуктов, и я завтра же все куплю, – тут же предложила я.

– Спасибо, – растерянно ответил гость, – это уж слишком.

– Обещаю, что никому не выдам эту тайну. И даже список продуктов для мэра не стану продавать журналистам за бешеные деньги.

– А скажите, Катя, если я соглашусь на ваше предложение только частично?

– То есть?

– Я попрошу вас не только купить продукты, но и приготовить из них еще один ужин.

– Вы напрашиваетесь в гости?

– Да...

– Видимо, понравилось...

– Очень.

– Андрей... Ой... Я могу вас так называть? – рассмеялась я.

– Конечно, можете, – по-хорошему светло впервые за вечер улыбнулся гость, – вы меня таким шикарным ужином накормили, что вам теперь все можно.

– Ну уж прямо все... А скажите, Андрей, что сделать, чтобы вас больше никто не видел в мятых вещах? Простите... – Я испугалась, что перешла грань дозволенного.

– Ну, этот вопрос я постараюсь решить самостоятельно. Думаю, пока мне еще рано просить вас и об этом.

– Да... Не стоит.

Мы оба были смущены. Пару минут молчали. А потом как-то одновременно начали разговор о детстве. Каждый вспоминал свои веселые истории, мы, перебивая друг друга, спешили рассказать и то, и это. Мы от души смеялись и не заметили, как за окном стало совсем темно.

– Мне пора, – встал из-за стола Андрей. – Большое спасибо за ужин, за вечер. Мне давно не было так легко и спокойно.

– Вам спасибо, – улыбнулась я в ответ. Мне тоже было хорошо.

Уже в коридоре я спросила мэра:

– Вы хотели о чем-то поговорить со мной?

– Да... Так мы обо всем поговорили, – засмеялся Андрей.

– Хорошо, если так. А теперь честно...

– А если честно, то когда я вас впервые увидел, мне так захотелось к вам... Домой... На кухню... Чтобы вы меня ужином кормили и мы разговаривали, так, как сегодня вечером. У вас очень уютно. Спасибо. Я позвоню. Можно?

– Ну, разве я могу ответить мэру «нельзя»? – я снова зачем-то пустила в ход свои колючки.

– Катюш, в этот дом мэр больше не придет никогда. А вот Андрей, надеюсь, да.

Он вышел. Я закрыла дверь. Вернулась на кухню. Подошла к окну. Долго смотрела вслед растворяющемуся в темноте силуэту моего гостя. Странно: мне хотелось плакать. И еще – выгладить хоть одну его рубашку. Целиком.

Уже через несколько недель после нашего первого ужина Андрей рассказал мне о принятом им решении уйти от жены. До сих пор я помню тот разговор, его глаза и голос... И свой страх... Андрей говорил целый день. Да-да! Он пришел утром в воскресенье и сказал: «Я должен тебе многое рассказать. Прошу тебя, выслушай... Только не перебивай. Я буду говорить долго. Наберись терпения. Это очень важно для нас...»

Мне ничего не оставалось делать, кроме как поставить на плиту чайник и, усевшись напротив Андрея на уже ставшей к тому времени нашей маленькой кухне, начать слушать...

И спустя много лет я помню почти дословно все, что говорил тогда Андрей. Возможно, не сами детали – эмоции: то мне хотелось зажмуриться, потому что есть вещи, которые я не готова была узнать, то броситься к Андрею и обнять его: я чувствовала его боль и разочарование каждой своей клеточкой, то хотелось кричать: «Так не бывает!!!»

И спустя много лет, вспоминая тот монолог моего мужчины, я все еще пытаюсь понять: смогла ли я залечить все его

раны?..

Целый день на улице шел дождь. Нам было бы очень уютно сидеть вдвоем в нашей маленькой квартирке то на кухне, то на диване в комнате и говорить, говорить, говорить... Но уютно нам быть не могло. Ни тогда, ни спустя даже годы... Вся история Андрея насквозь была пронизана тремя женщинами: его женой Мариной и его дочерьми – Алевтиной и Маргаритой.

Старшую дочь дома звали Алей. Ей было двенадцать.

Младшую, вопреки желанию Андрея, дома звали Масей. Ей было девять.

С первого дня знакомства я слышала о детях: об Альке и Маське, об Алевтине и Маргарите. Андрей любил их без памяти, и главным содержанием всей его жизни было благополучие и душевное равновесие дочерей.

Да, именно душевное равновесие... Любой рассказ Андрея о детях, о каких-то семейных ситуациях заканчивался фразой: «И тут у Марины началась истерика...»

Только спустя время я смогла понять, что имел в виду мой мужчина. А тогда, в тот памятный воскресный день, я слушала, удивлялась, сочувствовала, негодовала и пыталась понять: к чему это все? А «все» оказалось очень просто. Андрей объяснил:

– Когда я принял решение, сразу понял: ты должна узнать

обо мне все. Ты должна ясно понимать, что я – не только мужчина, который по-настоящему любит...

– Любит? – эхом отозвалась я впервые за этот день.

– Да, любит... Я люблю тебя, моя Катенька... Я понимаю... Все понимаю... Мы знакомы-то всего два месяца...

– Два месяца и один день...

– Катюш, это все неважно... Дни не имеют значения. Я просто знаю, что ты – вся моя жизнь...

– Но я-то в этом не уверена...

– Понимаю... Я начал тебе говорить... Я – мужчина не просто старше тебя, не просто с историей, но главное: я мужчина, у которого есть две маленькие дочери...

– И ты их любишь... Ты их любишь...

– Нельзя сравнить то, что я чувствую к тебе, и то, что я чувствую как папа.

– Скажи: чего ты хочешь?

– Я хочу предложить тебе выйти за меня замуж... Я прошу тебя выйти за меня замуж. И хочу, чтобы ты дала мне ответ сейчас...

– Но ты женат...

– Я очень давно совершенно один.

– А дети?

– Я никогда не оставлю детей.

– Детям нужно, чтобы мама и папа были вместе.

– Детям нужно, чтобы мама любила папу, а папа любил маму... Мои дети живут среди постоянных скандалов и ис-

терик. Больше всего я боюсь, что они поймут, что вот так и надо жить...

– Ты бежишь?

– Нет. Я принял свое мужское решение.

– Что ты хочешь от меня?

– Чтобы ты была рядом.

– Хорошо. Я буду рядом.

– Всегда?

– Да...

Он ушел, пообещав позвонить утром. Бессонная ночь.

Раннее утро. Звонок:

– Привет! Я пригласил жену на последнее свидание. Сегодня. В восемь вечера.

– Привет...

– Ты подождешь?

– Конечно...

Весь день шел дождь. Это август в Прионежске.

Мой старший брат как будто знал, что именно сегодня мне нельзя быть одной. Он позвонил буквально сразу после Андрея:

– Слушай, возникла острая необходимость купить мне хорошие джинсы. Поможешь?

– Не вопрос.

– Через час у университета, хорошо?

– Да.

Наступил вечер. Я не отрывала глаз от часов. Казалось, я проживаю вместе с Андреем каждую минуту. Умом понимала: ничего не произойдет: ну, поговорят, ну, поскандалят, в лучшем случае завтра позвонит и скажет: «Ты же все понимаешь...» А сердцем чувствовала... Я всем своим сердцем чувствовала Андрея. Такого со мной прежде не было никогда.

В 21.30 раздался телефонный звонок:

– Я еду к тебе.

Гудки...

Ничего не понимаю... Так быстро? Это что же, за полтора часа можно объясниться с женой? Нет... Едет, чтобы проститься со мной.

Звонок в дверь. Открываю. Цветы... Цветы... Цветы... Точно: сейчас скажет какие-то слова и уйдет...

– Привет! Ужином кормить будешь?

– Привет... Конечно... Проходи... Цветы очень... Как и всегда...

Андрей зашел на кухню, открыл холодильник, достал бутылку водки, налил, выпил залпом:

– Знаешь, что мне сказала жена, когда я рассказал ей о нас, о том, что принял решение уйти?.. Она попросила меня

научить ее заполнять квитанции на оплату квартиры...

– У нее шок...

– Я слишком хорошо ее знаю... Это не шок. Это ее отношение ко мне... Ко всему, что было между нами...

– Подожди... Наступит завтра...

– Я все решил. Давай ужинать.

Уже на следующий день вечером, сразу после работы, неезжая к нам домой, Андрей поехал к детям. Конечно, он позвонил мне, конечно, попытался что-то начать объяснять, но я, не дослушав, перебила и сказала: «Делай так, как считаешь нужным. Самое важное сейчас – это настроение девочек...» Я всем своим сердцем чувствовала боль этих детей. Но понимала, что не могу сказать Андрею: «Возвращайся к жене...» И дело было не в какой-то неистовой любви к мужчине. Просто я видела его глаза, когда он рассказывал о том, как плохо не только ему, как дети реагируют на их скандалы с женой...

– Понимаешь, я устал... Я прихожу с работы, начинаются какие-то упреки, какие-то выяснения отношений, я втягиваюсь во все это, начинаю отвечать, спорить, в конце концов кричать...

– Ты??? Кричать??? – изумлялась я.

– Да... Я не могу постоянно себя держать в руках... Ты понимаешь, я постоянно все делаю не так... Как в том анекдоте про Соловья-разбойника: «Не так сидишь, не так сви-

СТИШЬ...»

– А дети где? Дети где, когда вы ругаетесь?

– Да в том-то и дело, что здесь же... Они плакать начинают, кричать... Все в точности, как мама ...

– Андрей, прости, а у вас-то обоих ума не хватает детей куда-нибудь отправить? Ну, в другую комнату... Закройтесь на кухне и хоть поубивайте друг друга...

– Скандал в режиме «закрытой двери» не интересен Марине. Ей нужно, чтобы дети слышали и видели, какое папа ничтожество... Иначе все теряет смысл.

– Зачем папа позволяет выставлять себя ничтожеством?

– Идиот...

– Похоже...

– Я тринадцать лет пытался убедить себя в том, что это нормально... Что это – моя семья и я должен... Но я близок к той грани, за которой конец. Ты понимаешь меня? Я устал быть ненужным, устал быть один... Если посчитать, сколько лет из тринадцати мои жена и дети прожили рядом со мной, получится смешная цифра... Ее озвучить-то стыдно...

– Скажи, ты сделал все, что мог, в этой ситуации?

– В отношении Марины – да, а в отношении девочек...

Вырастить, выучить и выдать замуж – программа-минимум.

– Ясно...

– Ты считаешь, что должно быть по-другому?

– Я считаю, что надо поступать так, чтобы не задавать себе по ночам, один на один со своей совестью, неудобных во-

просов...

– Согласен.

Поездки по вечерам «к детям, чтобы сказать “спокойной ночи”», продолжались неделю, вторую... Я полностью поддерживала Андрея и терпеливо ждала дома. С каждым разом Андрей возвращался мрачней и мрачней. Младшая не разговаривала с ним, а старшая плакала... Мой мужчина приезжал ко мне в квартиру, отказывался от ужина, молча ложился спать, отворачивался к стенке и всю ночь вздыхал. Медленно, но верно терпение мое подходило к концу. Не понимать, что происходит и чем это закончится, становилось невозможно.

Хорошо помню тот момент, когда однажды вечером Андрей позвонил мне по дороге с работы и сказал:

– Пожалуйста, собери мои вещи, я возвращаюсь к детям.

Положив трубку, я дала волю чувствам. Поплакав от души, стала собирать вещи своего несостоявшегося мужа, в глубине души все равно находя повод для удовольствия: все было чистым, выстиранным и выглаженным... Пусть хоть ненадолго, но он почувствует прикосновение моих рук и мою заботу... Поставила чемодан Андрея у порога и ушла из дома: к чему лишние объяснения? Нет смысла бороться за сердце мужчины, которое всецело принадлежит его детям.

Вернувшись домой через пару часов, я обнаружила на кухонном столе письмо от Андрея.

...Взяла в руки этот лист бумаги, к которому совсем недавно прикасались руки моего любимого мужчины, и ясно представила себе, как он уходил отсюда: закрывал дверь, выходил из подъезда, садился в машину...

«Катя!

Я тебя люблю!

Таких, как ты, не бывает.

Во всем, что сейчас происходит, виноват я один.

Ты мне дала столько, сколько, кроме мамы, не дал никто.

Больше всего на свете я боюсь, что никогда не смогу с тобой поговорить. Что сегодня я отказываюсь от собственного счастья. А еще боюсь обстоятельств и условностей.

Главное: я очень боюсь потерять детей. Прости.

Андрей».

Ночь без сна, уткнувшись в подушку, сжимая в руках письмо, оставленное на кухонном столе.

Утром, словно в бреду, сборы на работу...

Телефонный звонок:

– Привет! Нам надо встретиться и поговорить.

– По-моему, мы уже вчера все друг другу сказали... Точнее, ты написал. Давай оставим друг друга в покое.

– Я прошу тебя.

- Хорошо.
- Я приеду после работы к тебе.
- Ужинать будешь?
- Конечно...

Никакой радости я не чувствовала. В душе уже прочно осела тягучая и постоянная боль. Я понимала: это лишь начало, и делать так, как сделал когда-то мой папа, обрубив все сразу, Андрей не собирался и не хотел.

Когда вечером я открыла дверь своему теперь уже опять гостю, я обомлела. Передо мной стоял растерянный, запутавшийся и совершенно беспомощный юноша. Мое раздражение, непонимание и обида исчезли без следа. Я видела, как плохо Андрею. Мне хотелось только одного: чтобы он успокоился. А для этого он должен был остановиться.

– Проходи. Не говори ничего. Вымой руки и иди на кухню. Поешь, а потом, если захочешь, поговорим.

Я накрыла на стол и ушла в комнату, оставив гостя наедине с ужином и его мужскими мыслями.

– Спасибо. Как и всегда, все очень вкусно. – Андрей сел рядом со мной на диван. Взял в свои руки мои. – Ты же все понимаешь, правда? Я знаю, что тебе не надо ничего объяснять.

– Что произошло?

– Я больше никогда туда не вернусь. Это невозможно.

– Где ты ночевал?

– Там...

– Ну, раз пустили ночевать, наверное, выслушали?

– Выслушали. Но не услышали.

– Простили?

– Я не спрашивал.

– Высокие отношения...

– Я предложил начать все сначала. Ради детей. Она вроде бы согласилась.

– Отлично. Тогда почему ты здесь?

– Потому что все это бесполезно. Невозможно склеить то, что треснуло много лет назад. Нет у меня никакой семьи. Я много лет бился, старался, придумывал сам себе жизнь...

– Андрей, ты хочешь, чтобы я снова сказала тебе все, что думаю по этому поводу?

– Нет... Я просто хочу, чтобы ты не вычеркивала меня из своей жизни.

– Это невозможно, господин мэр, – рассмеялась я и, отстранившись от Андрея, встала. Отошла к окну. В комнате было уже совсем темно. Я смотрела на мужчину, которому поверила после всех своих печальных и полных боли женских историй... Ох, как же хочется просто, без затей, быть счастливой и любить... Дарить свою любовь. Не уговаривать: на, возьми мое сердце... А просто жить рядом.

Потому что рядом хорошо. Потому что волна одна, небо

одно и солнце одно... Я смотрела на Андрея, и мне так хотелось спрятать его от боли, взять за руку и увести далеко-далеко, туда, где все будет хорошо. Я же видела, чувствовала: он сердцем понимает, что со мной рядом его счастье, его жизнь, но разум требует оставить все как есть. Андрей – мужчина. А мужчина – это прежде всего долг.

– Я без тебя умру, – вдруг, как будто услышав мои мысли, хриплым голосом сказал Андрей.

– Без меня тебя больше не будет. Никогда. Я подожду.

– Я не могу жить у тебя.

– Где можешь?

– Я снял квартиру.

– Когда?

– Сегодня.

– Далеко?

– Нет, рядом с тобой.

– Поняла.

– Мне надо пожить одному.

– Не вопрос...

– Не сердись.

– Что ты будешь там есть?

– Придумаю.

– Стирка? Глажка?

– Катюш...

– Давай так. Живешь один. Спишь, ешь, думаешь один.

Но твоим бытом занимаюсь я.

– Я бы хотел побыть совсем один... Ну, ты понимаешь...

– Понимаю. Но мэр города не может ходить голодный и невыглаженный... Ты и так как сирота... Даже если ты в конце концов решишь вернуться в семью, до тех пор надо с людьми общаться в приличном виде. Поэтому все-таки разреши мне позаботиться о твоём быте. Обещаю: мы не станем видеться. Если позволишь, я буду общаться с твоим водителем.

– Я так не привык... Зачем тебе все это?

– Решила фонд учредить... Фонд помощи Андрею Сандакову...

– Не издевайся.

– Ну ладно. Тебе пора.

– Спасибо за ужин.

– На здоровье. Иди.

Андрей остановился и уже в дверях провел рукой по моей щеке:

– Я проснулся сегодня утром рядом с моей семьей... Я так думал... Проснулся и сказал себе: «Все хорошо, я дома. Главное, что сейчас я увижу детей, а они меня. У моих девочек будет хорошее семейное утро...» И пошел в душ. Прохожу мимо кухни, здороваюсь, пытаюсь улыбнуться и слышу голос Марины... Она наливает девочкам чай и говорит: «Аля, Маша, вы только посмотрите, какие у вашего папы красивые трусы! Это ему его Катя купила...» Я вернулся в ком-

нату, оделся и молча ушел из квартиры. Все.

Я поцеловала Андрея в щеку и подтолкнула к выходу. Закрыла дверь. Подошла к окну. Посмотрела, как он садится в машину. Взяла собаку и отправилась гулять.

Мы с терьером бродили по вечернему городу, смотрели на людей, фонари, дождь, окна, в которых горел свет и за которыми жили своей жизнью семьи, а кто-то был отчаянно одинок. Возможно, именно сейчас, в этот момент один человек пришел к другому просить прощения... Бывает, бывает, что не склеить разбитое и нет сил продолжать поддерживать огонь... Но хуже нет, когда ты идешь с открытым сердцем просить прощения, а тебя и не выгоняют, и не прощают, но принимают, чтобы унижать и напоминать о том, как ты ошибся и сделал больно тому, кого считал своей семьей. Или, может быть, не ошибся, а разрешил себе вдохнуть глоток чистого воздуха? Может быть, сделал больно нехотя, пытаясь выжить?..

Все бы ничего... Если бы посреди этой круговерти не стояли две маленькие девочки. Откуда же детям понять все, что происходит между взрослыми? Как принять этот факт: папа больше не живет с нами? Как пережить факт, что у папы другая женщина?..

Я слишком хорошо помню, что переживала сама из-за ухода отца и от того, что происходило с мамой. Но я была

немного старше, чем дети Андрея... И потом, мои родители всегда были вместе, каждый день рука об руку, по всем гарнизонам, по всем городам и весям, по всем радостям и бедам, всегда... Я пыталась понять папу, пыталась защитить маму... Моя мама никогда, никогда не говорила плохо об отце.

Правда, и папа никогда не пытался вернуться...

Сейчас, спустя много лет вспоминая события той осени, рассказывая о них в этой книге, я хорошо понимаю: на все – Божий промысел. Можно удивляться, пытаться анализировать, просчитывать... Бессмысленно. В тот момент, когда я зашла в кабинет к молодому мэру, чтобы познакомиться, исходя лишь из соображений возможного трудоустройства, свыше уже все решилось... Мы с Андреем должны были найти друг друга в этом мире, каждый прожить все то, что прожили до нашей встречи, нырнуть с головой в любовь, вынырнуть, чтобы набрать воздуха в легкие, и, поняв, что и внутри любви можно дышать, взявшись за руки, отдаться течению любви и начать жить уже там, внутри этого чувства...

Именно поэтому, когда в конце октября проявились совершенно ясные для каждой женщины симптомы и я сделала тест на беременность, у меня не было ни секунды раздумий. Я знала: этот ребенок родится, несмотря ни на что.

Живу одна, город кишмя кишит сплетнями: я то ли любовница мэра, то ли уже гражданская жена, то ли брошен-

ная мэром содержанка... Отец ребенка с головой погружен в работу, в попытки понять себя и принять окончательное решение: как жить дальше.

Но все это было совершенно неважно! Внутри меня все пело и ликовало.

Пройдя все необходимые медицинские обследования, убедившись в том, что внутри меня Чудо есть на все сто процентов, я отправилась сообщать Новость Андрею.

Ни одной мысли про то, что ну вот теперь-то он никуда не денется, не было и в помине. Знаю, знаю, что и спустя годы после рождения нашего Егора многие шептали за моей спиной про то, как я «ловко мэра окрутила и на себе женила». Ну да Бог им судья...

Мне пришлось посидеть на лавочке перед подъездом и подождать возвращения с работы человека, который все еще не знал о том, что случилось Чудо... Я думала, как скажу о ребенке, но совершенно не думала о том, что услышу в ответ. Точнее, не то чтобы не думала, а меня это совершенно не волновало. Я шла, чтобы сообщить Новость. Мне даже не нужны были поддержка и радость... Вот такие у нас тогда были отношения, такие усталость, запутанность и опустошенность.

– Я пришла, чтобы сказать тебе: у меня будет ребенок. Твердо знаю, что буду рожать. Мне... Нам ничего от тебя не надо. Но ты должен знать, потому что иначе будет нечест-

но... Срок совсем еще маленький... Рожать в конце июня – начале июля...

– Ты сошла с ума!!! Этот ребенок не может родиться в этом городе! Ты должна уехать отсюда! Хочешь, я отправлю тебя к моим родителям?.. Нет! Это невозможно!!!

Молча оделась и ушла.

Я шла по вечернему городу, шла спокойно и уверенно. Все сделано правильно. До сих пор помню, какое было небо и как светили фонари...

На следующее утро Андрей был у меня дома. Он попросил его не торопить. Говорил, что любит...

И мы стали жить дальше так, как жили до этого: я в своей квартире, он – в своей.

Я в одиночестве пережила угрозу выкидыша, госпитализацию для сохранения беременности. Андрей иногда заезжал, улыбался, вручал сувениры из очередной командировки и, опустив глаза, говорил: «Ну... Я пошел... Мне еще к детям надо заехать...»

А потом что-то произошло... Я так до сих пор и не знаю. Но однажды Андрей приехал ко мне и сказал:

– Хватит. Когда ты переедешь ко мне?

– Зачем же переезжать в квартиру, которую ты снимаешь,

когда у меня есть своя, совершенно замечательная квартира? – ответила я первое, что мне пришло в голову.

На самом деле я страшно боялась этого момента. Я ждала его, знала, что так будет, но боялась... Потому что страшилась снова пережить боль...

– Затем, что я никогда не смогу жить в твоей квартире. Не могу я, мужчина, жить в квартире женщины. Это неправильно. Так когда ты переедешь?

Я переехала на следующий день.

Нам пришлось расстаться с моим верным псом... Он так и не принял факт существования в моей жизни Андрея. А когда почувствовал, что я беременна, совсем отбился от рук. Рэй до сих пор мне снится. Я по сей день чувствую себя виноватой перед ним.

Потихоньку, день за днем, шаг за шагом мы с Андреем привыкали жить вместе: каждый вечер встречаться, разговаривать за ужином, спать рядом, просыпаться, не наткнуться друг на друга в ванной, завтракать, уходить на работу. Надо было приспособливаться к привычкам и характерам, надо было научиться жить в крохотной комнате съемной квартиры (комнат было две, но одна оказалась заперта) и не нарушать личного пространства друг друга. Наверное, это прозвучит эгоистично, но, по-моему, в то время «приспособли-

валась» только я. Андрею было не до этого. Сутки напролет он работал.

Однажды он простыл. Вечером после работы, кашляя и не выпуская из рук носового платка, мой мужчина сидел, скрючившись, на диване и смотрел свой любимый во все время на хоккей. Я сбегала к маме за малиновым вареньем, заварила чай, испекла какие-то плюшки... Поставила это все на стол перед Андреем. Он сказал: «Спасибо!» – и, не притронувшись, стал смотреть телевизор дальше. Тихонечко, чтобы не мешать, я взяла плед, который специально притащила из своей квартиры «для уюта» (мой папа очень любил этот синий с красными полосками плед...), и укрыла плечи и спину Андрея. В следующее мгновение он вздрогнул, как от разряда тока, взмахнул руками, сбрасывая с себя плед, задел чашку с чаем, она упала и...

– Андрей! Что с тобой? – закричала я.

– Я не привык... Прости... Я не привык, – ответил он и ушел на кухню.

Вернулся с тряпкой, стал вытирать со стола чай. Я взяла себя в руки, чтобы не расплакаться, и стала помогать наводить порядок. Потом терпеливо налила новый чай. Села рядом.

– Скажи, что случилось? – как можно спокойнее наконец спросила я.

– Прости... Просто я не привык. Так не было никогда... С тех пор, как я уехал от родителей поступать в училище.

– Ты никогда не болел? – уже поняв, в чем дело, я пыталась начать шутить.

– Болел. Но всегда один. И чай сам себе заваривал, и варенье... А ты знаешь, какое вкусное малиновое варенье я умею варить?

– Да ладно... Ты?! Варенье?!

– Да! Знаешь, мне надо было чем-то себя занимать в выходные... Друзья звали то за грибами, то за ягодами. Я, конечно, ехал, собирал... Одному ведь можно в выходные совсем с ума сойти от тоски... А потом, когда урожай домой привозишь, хочешь не хочешь, как-то обрабатывать надо... Вот я и варенье научился варить, и грибы варить, а потом замораживать...

– Прости меня, но я спрошу: а где была твоя семья?

– У мамы Марины, в Липецке. Они там жили всегда. Мои дети родились там... До тех пор пока я не смог получить квартиру в Прионежске, они всегда жили там. Когда Аля пошла в первый класс, стали жить весь учебный год со мной, а на лето уезжали в Липецк... Давай не будем больше об этом.

– Хорошо.

– Я обещаю тебе: я привыкну и к твоей заботе, и к тому, что нужен вот так, по-настоящему. Каждый день.

– Всегда...

По утрам в нашей маленькой съемной квартирке в одно и то же время раздавался звонок телефона. Мама дочерей

Андрея то просила его о чем-то, то ругала из-за чего-то, то ставила задачи... Я знала, что он неловко себя чувствует во время этих разговоров, и уходила в ванную. Собственно, даже если бы я очень хотела, я бы ничего не услышала кроме: – Марин... Марин... Марин...

Из трубки доносился громкий женский голос, временами переходивший в визг. Каждый раз разговор заканчивался тем, что Андрей просил отложить разговор на вечер, потому что опаздывает на работу. Потом молча пил чай и уходил. Я ничего не могла сделать, никак не могла помочь человеку, которого любила. Я понимала, что эта визжащая женщина – мать его детей, а Андрей без своих девочек не может жить.

Жена Андрея никогда не работала. На руках у Марины был красный диплом об окончании торгового института. Она озадачила Андрея своим устройством на работу буквально так: «Ты нас бросил, и жить нам теперь не на что», и тот устроил ее завхозом в спортивную школу.

Люди шептались: «Вы слышали, наш мэр бросил учительницу с двумя детьми...»

Когда в очередной раз утром раздался звонок, я не стала выходить из комнаты и услышала, что говорит женщина бросившему ее мужу:

– Ты устроил меня на работу в спортивную школу, мне нужен хороший спортивный костюм...

То ли потому, что я находилась рядом, то ли Андрей был

уже вымотан этими звонками, но он ответил:

– Я всегда буду рядом с моими детьми, я готов полностью их обеспечивать материально, но проблему спортивного костюма тебе придется решать самой... Все, что касается тебя лично, тоже.

Приближался Новый год. Я получила от Андрея добро и принялась готовить подарки для его детей. По моему замыслу, они придут к Андрею в гости, здесь будет накрыт стол, а под елкой спрятаны подарки. Основным сувениром должен был стать видеомэгаффон. «В нагрузку» я накупила видеокассет. Тщательно выбирала скатерть на стол, тарелки... Очень хотелось, чтобы детям даже в съемной квартире папы было уютно и тепло. Я кожей чувствовала их переживания. Но с каждым днем жизни с Андреем, узнавая все больше и больше о его жизни в браке, понимала, что он сделал все правильно. Правильно прежде всего относительно детей.

Я накрыла праздничный стол и ушла. Им совершенно необходимо было побыть втроем: папе и двум его чудесным доченькам – Алевтине и Маргарите...

Вечером Андрей мне сказал: «Спасибо, все было замечательно, девочкам очень понравились подарки».

Наш первый Новый год мы встречали вдвоем, сидя за журнальным столиком у телевизора. Нам было так хорошо, уютно, тепло... А первого января Андрей впервые предста-

вил меня семье своих друзей. До этого мы общались только с моими приятелями. Помню, как волновалась. Но все прошло удачно, мы все понравились друг другу, сразу нашлись темы для общих разговоров. Я видела, как доволен Андрей, и была счастлива.

На следующий день мне предстояло еще одно серьезное испытание: мы ехали в город, где жили родители Андрея.

Отлично помню, как следом за Андреем зашла в квартиру и увидела будущую свекровь. То, что мне здесь не рады, я почувствовала сразу, как и то, что мое появление готовы снести только во имя приезда сына. Вроде бы все приличия были соблюдены, но в воздухе просто звенело напряжение. Как-то скомканно пообедали, толком и не говорили. Мама Андрея нарочито обращалась только к нему, минуя меня, и строила все фразы с акцентом на местоимение «ты»: «А как ты думаешь?.. А что ты собираешься делать?.. Ты читал?.. Ты слышал?..» Я видела, как Андрей пытается обратить внимание родителей и своей сестры на то, что нас двое в этом доме, но все было тщетно. Сама изменить я ничего не могла: это были абсолютно незнакомые, чужие люди, которые с самого начала отнеслись ко мне плохо, не давая ни малейшего шанса стать «своей». Создавалось впечатление, что они между собой договорились и все давно решили. Вот только зачем было подвергать такому испытанию Андрея? Я-то ладно...

Тут вдруг выяснилось, что Андрею срочно надо идти в го-

сти к крестному, что изменить ничего нельзя и уже надо выходить. А Катя? Ничего с твоей Катей не случится... Не съедем мы ее. Андрея буквально вытолкали из квартиры. Дверь за ним закрылась, и я осталась одна. Как-то очень технично меня усадили за стол, налили чаю... Когда мама Андрея начала говорить, я увидела, как все правильно расселись: члены семьи сидели напротив меня. И лишь муж сестры Андрея сидел сбоку от стола, в кресле. Допрос в чистом виде, подумала я.

– Катя! Я вижу, ты совсем еще девочка, – мама Андрея буквально вкручивала в меня каждое свое слово, – я понимаю твоё желание быть рядом с таким успешным мужчиной, с таким высокопоставленным чиновником. Хочу, чтобы ты знала: мы все категорически против ваших отношений. У Андрея есть жена, есть двое детей. И это значит, что у нас есть невестка и две внучки. Других нам не надо...

Я не дала своей будущей свекрови продолжать говорить и самым наглым образом перебила ее:

– Я с большим уважением отношусь ко всему тому, что ваша семья чувствует и переживает. Но должна вас попросить начать говорить со мной в другом тоне. Мы с Андреем любим друг друга. Все не так просто, как вам могло показаться... Я скажу вам больше: мы ждем ребенка. Поэтому давайте сейчас все успокоимся... Вы любите Андрея как сына и брата, я люблю его как мужчину. По-моему, в наших с вами интересах подружиться. Ну, хотя бы для того, чтобы не

портить ему и без того непростую жизнь.

За столом наступило молчание. Я раскраснелась и нервничала, сама не ожидая от себя такого «выступления». Тишину нарушил звонок Андрея в дверь. Потом он рассказал мне, что едва добежал до соседнего дома, где жили родственники, поздоровался с ними, вручил новогодние подарки и сразу побежал обратно. А мне-то казалось, что его не было целую вечность...

– Ой, Андрей, это ты? Так быстро? – удивилась мама, помогая сыну снять куртку. – Ты, наверное, бегом бежал, боялся, что мы съедим Катю твою? Вот она... Иди-иди, посмотри сам: жива и здорова. Хорошую ты себе Катю нашел. Настоящую...

– Правда? Мам, правда?.. Катюш! Ну как ты здесь? – подошел ко мне Андрей. Он целовал меня, прижимаясь холодными с мороза щеками, и я видела, как мой мужчина счастлив. А еще видела, что семья Андрея все поняла и приняла меня.

На следующий день после завтрака я сидела на диване и смотрела альбом с фотографиями маленького Андрея. Ко мне подсел свекор. Я приготовилась к тому, что мне сейчас будут рассказывать: «А вот тут Андрюша в школу пошел... А вот это мы на море поехали...» Но отец Андрея взял в свои руки мою, поднес ее к губам и, поцеловав, тихо сказал: «Спа-

сибо тебе, Катенька, за моего счастливого сына... Ты скоро сама поймешь, что жить можно только тогда, когда твой ребенок счастлив. Пусть все у вас будет хорошо. Я тебе верю. И благословляю... Никого не бойся и ни на кого не смотри. Только будь рядом и не оставляй его одного. Никогда».

В феврале мы сняли другую квартиру, уже двухкомнатную, но в спальном районе.

Предварительно переговорив с бывшей женой и получив согласие, Андрей подал заявление на развод. Собственно, речь шла не о согласии на развод, а о том, что в суде не будет речи об алиментах. То, что основные расходы на содержание детей будет нести Андрей, было ясно и очевидно безо всяких документов. Но во время судебного процесса Марина заявила иск о взыскании алиментов...

– Зачем ты сделала это? – спросил у нее позже Андрей.

– Я хочу быть уверена в завтрашнем дне, ты нас обманешь...

Ну, так, значит, так... К тому времени я уже училась не удивляться, а Андрей принимал как должное все, что сопровождало поступки его бывшей жены.

На следующий день после вступления в силу решения суда о разводе мы расписались. Поздним вечером в будний

день ровно через полгода после того, как мы решили жить вместе. Это была самая романтическая свадьба, о которой я когда-нибудь слышала: мы вдвоем, директор загса и больше никого в старинном особняке, в котором располагался городской дворец бракосочетаний... А потом, поужинав с друзьями, мы вернулись домой и просто легли спать. Утром, как обычно, Андрей уехал на работу. Собственно, в нашей жизни ничего не изменилось.

Однажды в воскресенье я была чем-то занята дома, когда позвонил Андрей и сказал:

– Я сейчас заеду за тобой... Не один, я с Алей. Поедем есть пиццу.

Сердце бешено заколотилось, все валилось из рук, и я никак не могла сообразить, куда бежать, за что хвататься и что я вообще должна делать.

И вот звонок... Я открыла дверь. На пороге стояла смешная девчонка в чудной голубой шапке. Она улыбнулась мне и тихо-тихо сказала:

– Здравствуйте...

– Привет! – вожатское прошлое не подвело. – Меня зовут Катя...

Я плохо помню наш первый совместный ужин. Помню счастливые глаза Андрея и то, как он сказал мне перед сном:

– Спасибо, я давно с таким удовольствием и так спокойно не общался с Алей.

– А почему Маргарита не приехала к нам?

– Понимаешь, Маська – абсолютно мамин ребенок... Там время нужно. Давай не будем торопиться.

Хотя Андрей понимал, насколько девочки привязаны к маме, он не переставал серьезно думать над тем, чтобы дети жили с нами. Я была лишь только беременна, но, даже еще до конца не прочувствовав, что значит быть мамой, прекрасно осознавала: разлучить дитя и мать невозможно... Нет... Это невозможно.

– Я слишком хорошо знаю их мать, мы не сможем нормально общаться... Я буду обращаться в суд, – говорил мне муж.

Я приложила немало усилий к тому, чтобы уговорить Андрея не делать этого.

Дни шли, Егор в моем животе рос, встречи с Алей уже меня не волновали и стали обычным необходимым делом.

Как-то весной Андрей рассказал, что старшая дочь стала жаловаться на боль в животе. Естественно, я предложила показать ребенка врачу. Так мы начали с Алей общение на двоих. Мы ходили из кабинета в кабинет, о чем-то болтали, она потихоньку переставала стесняться меня, и нам даже удава-

лось над чем-то смеяться. Я хорошо помню, как мы стояли у дверей какого-то кабинета и меня осенила мысль о том, что все наши проблемы с животом могут быть связаны не с пищеварением, а с тем, что Алевтине двенадцать лет. Но я даже не знала, как подступиться к этому щекотливому вопросу.

– Аль, мама с тобой разговаривала о том, как взрослеют девочки?

– Нет. Мама мне книжку дала почитать, сказала: все, что мне надо знать, там написано.

– Так. Ты можешь со мной поговорить о том, что там прочитала?

– Могу.

– Просто мне кажется, твой живот болит именно по причине того, что совсем скоро ты станешь девушкой...

Я стала рассказывать Але о том, как все это происходило у меня, о переживаниях и том, что моя мама тоже никогда со мной на эти темы не разговаривала. Я думала, сойду с ума, когда у меня все это случилось в первый раз. Короче говоря, рассказывала девочке, что к чему и почему...

В конце мая Аля и Маргарита традиционно отправлялись с мамой в Липецк.

В июне родился Егор.

Все лето дети Андрея отсутствовали в городе, он с ними изредка разговаривал по телефону, а о моем общении с Алей речи быть не могло.

Когда Егору было около четырех месяцев, в нашей молодой семье царил неприятная атмосфера. Мы постоянно ссорились и во многом не понимали друг друга.

Как-то вечером Андрей сказал мне:

– В Москве будет матч века по футболу, Россия – Украина. Я хочу поехать. Мне обещали достать билеты.

– Поедем вместе?

– Нет. Я хочу ехать с Алевтиной и Маргаритой.

– Почему я не могу поехать с вами?

– Вам пока не надо общаться.

– А девочкам-то зачем этот футбол?

– Я знаю, что лучше для моих дочерей, тебе не надо вмешиваться.

– Андрей! Это бред!.. Для них эта поездка будет тяжелой, особенно для Маргариты! Она ведь совсем еще маленькая...

– Я так решил.

Дальше разговаривать стало бессмысленно.

Андрей уехал. Нам он почти не звонил. Я с трудом понимала, что происходит с его чувствами ко мне, какие мысли бродят в его голове...

Хорошо помню утро дня возвращения многодетного отца. На нем не было лица. Он вошел в квартиру с опущенными плечами, лицо серое, а глаза – как у побитой собаки:

– Больше никогда в жизни не поеду никуда без тебя, один

с детьми.

Я подошла к Андрею, обняла его. Что я могла сказать?.. Даже спрашивать о том, что произошло, было бессмысленно. К этому времени я уже стала понимать, что мой муж и его дети от первого брака плохо знают друг друга... Да. Оказывается, в жизни бывает и так... Егор присутствовал в жизни своего папы уже с момента зачатия. Андрей видел, как развивается беременность, как меняюсь я, как выглядит малыш на мониторе аппарата УЗИ. Андрей видел Егора сразу после рождения... Первый крик, первое кормление, первый подгузник... Мы всегда были вместе.

Егору было около года, когда мы с Андреем решили, что можем себе позволить поехать в Петербург вместе с Алей и Маргаритой, оставив сына дома на попечении моих подруги и мамы.

Я детально продумала план поездки. Конечно, Андрей испрашивал разрешение на поездку у Марины с легендой про «одеть», но в планах еще были театр, экскурсии и, конечно, ни слова о моем присутствии. А для меня эта поездка была очень важна: я впервые оказывалась с детьми Андрея так надолго.

Спустя столько лет сложно вспомнить детали, скорее, остались в памяти эмоции.

Вот мы в магазине. Андрей работал, мы занимались покупками сами. Девчонки стояли каждая в своей примерочной, а я бегала по магазину и сносила к ним все, что, как мне казалось, им бы подошло. Дети покорно все мерили, крутились перед зеркалом. Но неизменно и та и другая морщили нос: «Нет, мне это не нравится...»

Сейчас я могу сказать определенно: у меня был шок. Да-да, именно от того, как эти два ребенка без конца морщили нос и говорили мне «нет». Уж не настолько большой была наша разница в возрасте (я старше Али на тринадцать лет), но любые покупки для меня моими родителями неизменно вызывали благодарность и восторг. Мне и в голову не могло прийти сказать им: «Нет, мне это не нравится».

Но тогда я не могла что-то высказать этим детям. Лишь молча забирала то, что им не понравилось, и приносила новые варианты обновок. Кое-как мы оделись.

Это был первый случай, когда неумение Алевтины и Маргариты говорить «спасибо» вызвало у меня раздражение. Но я все еще молчала.

Не один раз и до этой поездки, и после нее я была свидетелем ситуаций, когда девочки, выходя, например, из машины, не говорили водителю «спасибо». Про «здравствуйте», «до свидания» речь тоже не шла. Именно во время той поездки в Петербург я впервые сказала Андрею, как дети воспитаны:

– Ты пойми, я не могу делать им замечания. Им и так сложно со мной...

– Но и я не могу... Обидятся, не дай Бог, Маргарита заплачет... – отвечал Андрей.

Однако с тех пор, хотя бы в форме шутки, папа начал делать дочерям замечания.

Вот мы в гостинице. Аля и Андрей играют в бильярд. О чем-то разговаривают, смеются. Рядом стоит Маргарита. Смотрит на сестру и отца, вся сжатая, словно напуганная, похожая на маленького волчонка. Подойти, обнять, погладить по голове... Нет. Мне нельзя.

Я тихонечко шепчу Андрею на ухо:

– Возьмите к себе Маргариту, обними ее, ей неуютно...

– Катюш, у нас это не было принято...

– Иди.

Через минуту Маша научилась играть в бильярд.

Поездка подходила к концу. Я уезжала из Питера на машине, а Андрей с детьми – на поезде.

– Давайте на прощание в «Макдоналдс» сходим? – предложила я. И растерялась от неожиданного доверия девочек, когда обе протянули мне руки. Потом крепко сжала их, и мы направились в сторону ресторанчика.

И вдруг Андрей:

– А кто со мной пиццу есть?

В тот же миг я лишилась ощущения теплых ладошек в своих руках...

Что ж, села в машину и уехала из Питера.

Я не понимала, чего хочет Андрей, не знала, как вести себя с его детьми, которые, по моему глубокому убеждению, были совершенно невоспитанны. Я ощущала себя среди них инопланетянкой... Вся модель поведения и общения папы с дочерьми не укладывалась в моей голове. Я пыталась найти объяснение нашему принципиальному различию в том, что мой папа – уникам, в нашей семье всегда была очень высокая планка отношений, что, кстати, усложняло жизнь, к тому же в «чужой монастырь со своим уставом не ходят». Я корила себя за эмоции: дети не виноваты в моем восприятии их поведения. И тут же радовалась, что смогла сдержаться, не сказала ничего лишнего. К тому же дальше будет легче...

Но чем было вызвано такое поведение Андрея?..

По дороге домой я не только думала, а еще и плакала.

Оля, моя подруга, которая оставалась с Егором на время нашего отсутствия, до сих пор вспоминает, какой я вернулась домой. Я была раздавлена.

Объяснение с Андреем произошло на следующее утро.

– Зачем ты так? Они дали мне свои руки, я только-только что-то начала строить!

– Прости... Просто прости меня. Больше всего я хочу,

чтобы мои дочери были похожи на тебя, чтобы именно ты воспитывала их так, как ты воспитываешь Егора.

– Так в чем же дело?

– Я испугался, что они разочаруют тебя еще больше и ты не захочешь с ними общаться...

– Их мама осталась довольна обновками?

– Мне ничего не сказали.

– А «спасибо»?

– Не смейся. Я всегда им троим был должен. Слова «спасибо» я не слышал никогда.

Прошла пара недель, и Андрей пригласил девочек пойти с ним на парад, посвященный 9 Мая. Я, конечно, не возражала. Мы оставались с Егором дома и ждали, когда Андрей вернется с протокольных мероприятий и мы, уже своей семьей, втроем, отправимся на прогулку по весеннему городу.

Я наливала себе кофе, когда раздался звонок мужа:

– Сейчас к тебе заедут Аля и Маргарита, пожалуйста, очень прошу тебя, сделай с ними хоть что-то...

– Ничего не понимаю, ты можешь толком объяснить?

– Ты сама все поймешь, когда их увидишь. Прошу, помощи. Они должны быть готовы через пятнадцать минут.

Я была в растерянности. Аля-то ладно, но Маргарита... Она никогда не была у нас дома. Егора не видела...

Когда я открыла дверь, то онемела. Стало сразу понятно, о чем говорил Андрей.

Передо мной стояли не дети мэра, две недели назад одетые с ног до головы в лучших детских магазинах Петербурга, а бедные дочери нищей сотрудницы спортшколы, брошенной подлецом-мужем и оставленной без средств к существованию.

Я не понимала, что могу сделать: переодеть детей было не во что. Я велела девочкам разуться, посадила на кухне, а сама ушла в ванную отмывать обувь. Сделать из старых замызганных туфель новые с помощью воды и тряпки было невозможно.

– Аль, а где то, что мы с вами купили?

В ответ – молчание.

– Вы что, рассказали маме, что покупали это все со мной? Мотают головами.

– Почему вы так одеты?!

– Нас мама так одела...

Уже провожая девочек, я увидела, что у Алевтины была порвана по шву юбка...

И снова меня накрыло ощущение космоса: как? Почему? Но, главное, зачем?!

Я прожила к тому времени вместе с Андреем гораздо меньше, чем он был женат на маме этих двух детей, но уже хорошо знала, что мой муж души не чает в своих детях, никогда не пожалеет ни копейки и вообще, чем ты теснее общаешься с Андреем, тем больше имеешь не только в духовном плане, но и в материальном.

Наверное, Марине неприятно видеть на детях вещи, купленные без нее? Но сколько бы Андрей ни отдавал этой женщине денег, дети продолжали носить старые вещи... Да и потом, не хочешь ты, чтобы бывший муж одевал детей, – иди, заработай, одень и утри этому подонку нос...

Я снова вспомнила до деталей то, какое на меня производила впечатление одежда Андрея в одну из наших первых встреч. Буквально через несколько дней после нашего знакомства он пришел поздравлять горожан с Днем города на праздник, который проводила моя организация. Белая, прозрачная от старости футболка, коричневые джинсы и... рваные кроссовки.

Одним словом, понять логику поступков мамы Али и Маргариты для меня оказалось делом сложным. Но я старалась, видит Бог.

Вообще, как правило, во всех житейских ситуациях я вставала на сторону бывшей жены Андрея. Сейчас понимаю, что во многом это было вызвано тем, что я видела, как тяжело переживала моя мама уход отца. Не раз я причиняла своей маме боль тем, что общалась с папой и не скрывала этого. Но отец ушел, и вместе с ним «ушла» его зарплата, его помощь... Именно поэтому я всегда твердила Андрею, что дети не должны почувствовать его отсутствие ни в материальном плане, ни в духовном. Я знаю, сколько времени Ан-

дрей проводил с детьми даже при всей его занятости. Службная машина возила девочек на танцы строго по расписанию. Бывшая жена тоже не была обделена такого рода вниманием. Моя же мама, единожды попросив отца помочь нам вывезти купленную в совхозе картошку (там было дешевле) и услышав в ответ: «Другие как-то сами вывозят? Вот и ты – сама...» – больше к нему с просьбами подобного толка не обращалась.

Я довольно быстро поняла, что было ошибкой строить вот такие «отношения» с бывшей женой Андрея. Она не оставляла любой возможности найти ему занятие. Не один раз случались ситуации, когда утром в субботу заботливый отец звонил матери детей, чтобы узнать, не нужна ли какая-то помощь. В ответ раздавался один и тот же текст, который в кратком изложении звучал как: «Можешь быть свободен, дети в общении с тобой не нуждаются...» Но как только у нас появлялись планы на выходной, раздавался звонок: «Я поставила тесто на пироги, отвези Масю на танцы...»

Шли дни, месяцы, годы. Все страсти постепенно улеглись, а на какие-то вещи я просто не обращала внимания. Егор рос и радовал нас, мы с Андреем много работали и всегда вечерами наперегонки спешили домой, чтобы побыть втроем. Дома у нас всегда было тепло и уютно. И главное, нам было очень хорошо вместе.

Аля переживала подростковый возраст со всеми вытекающими последствиями. В какой-то момент ее мама в телефонном разговоре сообщила Андрею, что отныне он несет ответственность за все выходки Алевтины, что походы на дискотеку дочь должна согласовывать с папой и он же должен контролировать выполнение домашних заданий: «Я устала от нее, занимайся воспитанием Али сам...»

Мы были рады. У нас появилась возможность начать общаться с Алей столько, сколько мы хотели. Но Андрей работал. А Алевтина стала каждый день после уроков приезжать к нам, чтобы пообедать и выучить уроки. Вечером я на машине отправляла ее к маме.

Эти события совпали с началом беременности Машей. Как же я хотела спать!.. Не лечь спать в то время, когда днем спал Егор, было невозможно. Поэтому Алю всегда встречала из школы и кормила обедом Оля – моя подруга и по совместительству няня Егора. С Олей мы дружили много-много лет, поэтому могли спокойно обсуждать вещи, далеко выходящие за круг обязанностей няни. Прошла не одна неделя, прежде чем Оля решилась со мной на разговор.

– Прости меня, но я больше не стану кормить Алю обедом.

– Что случилось?

– Катюш, ты знаешь, как я отношусь к тебе, как люблю Егора и уважаю Андрея. Никогда в вашем доме я не чувствовала себя неудобно. Но когда приходит Аля...

– Объясни мне толком, что случилось?!

– Ее тон... Она разговаривает со мной как с прислугой. Я не потерплю подобное отношение к себе пятнадцатилетней девчонки...

– Прости. Я разберусь. Может быть, тебе показалось?.. Прости.

Есть у меня одна особенность, черта характера: я сама могу воспитывать членов своей семьи без конца, могу высказывать свое негативное мнение об их поступках, поведении. Но совершенно не терплю, когда то же самое делают посторонние люди. И в подобных случаях сержусь не на тех, кто внутри семьи, а на тех, кто извне... Оля тогда еще была извне. И я нашла аргументы, чтобы убедить себя в том, что Оля не права. Но спать днем я перестала.

Мы много разговаривали тогда с Алей. Конечно, не только о первой любви и оценках в школе. Алевтина без устали жаловалась на маму, на обстановку в их семье. Разговоры продолжались часами, потому что я, как всегда, разбираю ситуации, исходя из своего житейского опыта, и рассказывала дочери Андрея истории из своей жизни, вспоминала, как и что происходило в семье моих родителей.

Однажды за обедом, как-то совершенно между прочим, Аля сказала:

– Я решила переехать жить к вам. Можно?

– Можно, – не раздумывая, ответила я, – но подробно мы все должны обсудить с папой. А он должен будет объяснить-ся с твоей мамой...

По выражению лица Алевтины я поняла, что она ожидала услышать от меня другой ответ...

Больше Аля у нас не обедала. И я до сих пор не знаю, что тогда произошло. Старшая дочь Андрея просто исчезла из нашей жизни, не объяснив причин.

А потом наступил 2002 год.

Тяжело болела наша маленькая Маша, тогда еще совсем крошка. Андрей уже несколько месяцев находился под следствием, в области шла откровенная травля мэра и всего его окружения. Безусловно, семью мэра не щадил никто. Скорее всего мне было просто не до того, поэтому я многое забыла... Совершенно не помню тогда в нашей жизни Алевтину и Маргариту.

Выборы был проиграны, Андрей каждый день как на работу ходил в суд, а мы каждый вечер встречали его с этой «работы»: Егор, которому не исполнилось еще трех лет, и полугодовалая Маша.

Мы ждали приговора и были готовы к самому плохому развитию событий.

Как только узнали дату оглашения приговора, решили именно на этот день назначить празднование моего дня рож-

дения. Пусть мы не могли позволить себе богатый стол, но уж веселиться умели всегда. И, слава Богу, рядом с нами остались друзья. Решение суда оказалось объемным, в его чтении объявили перерыв. Андрей пришел домой.

– Я свободен. Пока. В четыре надо быть в суде. Чем мне заняться?

– Чисткой картошки, – улыбнулась я мужу.

– Что?

– Картошку чистить надо. Приступай! Гости же после работы придут, голодные...

– А ты считаешь, я к гостям вернусь?

– То есть?

– Если решение будет с лишением свободы... Ты же понимаешь, что это под стражу сразу... В зале суда...

– Андрей! Я никак не пойму: тебе картошки, что ли, для гостей жалко?

– Нет, не жалко... – улыбнулся муж.

– Ну вот садись и работай. Не надо думать о том, что еще не случилось. Ты ведь всегда мне сам твердишь: «Нет ничего хуже несбывшихся несчастий...»

Мой такой сильный, такой смелый, такой настоящий мужчина сидел на кухне и чистил картошку, глядя в одну точку. Во мне все разрывалось от боли за него... Я молила Бога, чтобы кто-нибудь мне помог растормошить, отвлечь мужа... И тут раздался телефонный звонок. Когда Андрей услышал

голос в трубке, его лицо просветлело:

– Алька! Как здорово, что ты позвонила! Как твои дела? – мой муж улыбался!!!

Но буквально в следующую минуту лицо его стало мрачнее прежнего. Я испугалась и вдруг почувствовала: если сейчас человека качнет не в ту сторону, он упадет в пропасть...

– Нет, Аля, я сейчас не смогу тебе ничем помочь. Прости, – сказал Андрей глухим голосом и выключил телефон.

Я молча смотрела на мужа и с ужасом ждала, что сейчас услышу о неприятности, по масштабам перебивающей даже ожидаемый приговор. Муж поднял глаза на меня и криво улыбнулся:

– Аля звонила... Сказала, что ей нужны новые джинсы...

Я опустилась на колени перед Андреем, обняла его и принялась шептать:

– Да она маленькая еще, откуда ей знать, что творится с тобой, с нами со всеми... Не расстраивайся, она еще маленькая...

– Она даже не спросила у меня, как дела... Катя, ей шестнадцать лет...

Что я могла сказать?.. Чем помочь?.. Наши с Андреем дети были тогда еще совсем малы, и мой материнский опыт – ничтожен. Рассуждать о том, что я наверняка знаю все секреты воспитания детей в духе любви к отцу, было рано. Я знала, как люблю своего папу, как хочу, чтобы мои дети от-

носились к своему... А еще просто любила мужчину, от которого родила детей.

Не один раз я слушала рассказы Андрея о том, как рождались, как росли Алевтина и Маргарита...

Все это происходило без его участия – до тех пор, пока не возникла квартира в Прионежске... До появления собственного комфортного благоустроенного жилья убедить, уговорить маму своих детей жить вместе с ним Андрей не мог...

Мне сложно судить обо всем этом, потому что я просто не понимала: если ты не хочешь быть рядом с мужем «в горе и в радости», то к чему создавать эту самую ячейку общества? Зачем рожать детей?..

Повторюсь: на все рассказы Андрея о том, «как это было», я в ту пору отвечала: «Этого не может быть...»

Не один раз мы ссорились из-за такой моей реакции на воспоминания мужа. Но я искренне верила в то, что жена и мать не может совершать такие поступки по отношению к своему мужу и отцу своих детей.

Это сейчас я знаю, что все люди разные. Что любовь у всех разная. Семьи... Отношения... Знаю...

Но до сих пор всей душой верю в то, что невозможно жить без любви, без понимания, без сострадания к тому, кто рядом каждый день, кого ты называешь мужем, про кого твои дети, открывая дверь, кричат: «Ура! Папа с работы пришел!..»

А если в тебе нет чувств, остались лишь раздражение и

слезы, уйди и закрой дверь, думая не о себе, не о своих обидах и неосуществленных планах на жизнь, а прежде всего о своих детях... Когда плохо родителям, отчаянно больно детям. Не только здесь и сейчас. Детям больно потом всю оставшуюся жизнь. Мне – дочери – до сих пор больно...

Осенью 2002 года имущество нашей семьи арестовали во исполнение приговора суда. Мы переживали непростые времена: Андрей не мог устроиться на работу и оформлялся на биржу труда, выплаты, положенные ему как выборному лицу, закончились, меня, несмотря на декретный отпуск, сократили с работы... Жили мы на пособие, которое мне выплачивало государство в связи с сокращением.

Областные власти превратили арест нашего имущества в шоу, о котором судачил весь Прионежск. Составлять опись нажитого непосильным трудом судебные приставы пришли в сопровождении вооруженной охраны. Мне сложно и сейчас, спустя годы, понять ход мыслей тех, кто отправлял к нам этих молодчиков. Ну да Бог им судья. Дело сделали, имущество арестовали, а самого виновника «торжества» осудили на три года условно, без права занимать руководящие должности...

Буквально на следующий день после описи имущества на нашем пороге опять стоял судебный пристав. Это была весьма воинственно настроенная дамочка. Она протянула Андрею бумагу, согласно которой у нас собирались арестовать

машину, стоявшую под окном. Впрочем, мы оба не сразу сообразили, в чем дело. Ведь буквально вчера все описали, составили нужные бумаги, а меня еще и ответственным хранителем всех наших «ценностей» назначили. Кое-как мы выяснили, что в отношении Андрея возбуждено еще одно исполнительное производство. Теперь на наше имущество претендовала бывшая супруга Андрея...

Мы были в шоке. Она даже не позвонила, не попыталась выяснить обстоятельства жизни того, кто щедро содержал ее и детей все это время. Собственно, звонить-то было не надо. Мы в то время жили как в шоу «За стеклом», весь город благодаря местным журналистам знал, что происходит с Андреем. У нас, как видно, были такие растерянные лица, что мама – судебный пристав – принялась рассказывать о том, что вот, мол, пришла к нам Марина Алексеевна и говорит, что ей прислали из администрации города исполнительный лист в связи с тем, что более она (администрация) с Андреем никаких финансовых дел не имеет. Хочу, говорит мама Алевтины и Маргариты, призвать злостного неплательщика алиментов Сандакова к ответу. Ей объяснили, что поезд ушел, буквально только вчера все у Сандаковых арестовали в пользу администрации Прионежска, а в таких делах «кто первым встал, того и тапочки». И чтобы успокоить бедную женщину, ей показали опись имущества. Предметно изучив сей документ, Марина Алексеевна сообщила судебным приставам, что здесь не все указано и Сандаков Андрей Юрьевич вводит

органы власти в заблуждение. А затем буквально пальцем на карте показала, где стоит автомобиль «Жигули-2105»...

Честно говоря, даже сейчас, вспоминая эту историю, мне хочется вымыть руки.

А тогда... Андрей сообщил судебному приставу, что автомобиль принадлежит его отцу, ездит он по доверенности...

Когда не стало работы, а по городу мы ходили как через палочный строй, родители настояли на том, чтобы сын машину забрал. Хотя бы на время...

И опять, в тысячный раз, я недоумевала: как надо не знать Андрея, чтобы вот так пытаться решать с ним финансовые дела! Конечно, против моих доводов стоял тринадцатилетний брак Андрея с Мариной. Но прожив с этим же мужчиной всего-то четыре года, я уже знала, что более щедрого человека по отношению к своим детям найти невозможно...

Мы проглотили и эту историю. Андрей долго и нудно договаривался с Мариной, чтобы исполнительный лист на выплату алиментов лежал у нее дома, а он ежемесячно на ее расчетный счет в Сбербанке будет присылать деньги. Договорился. Правда, с условием: если мы пропустим день платежа, то уже назавтра Марина отнесет исполнительный лист в службу судебных приставов.

Жизнь шла дальше.

В январе 2003 года Андрей уехал работать в Москву.

Максимум, который нам смогли предложить, – должность стажера директора гипермаркета. Выбирать не приходилось.

Если я и наши маленькие Егор и Маша не требовали срочных и «вынь-да-положь» дотаций, то с Алевтиной и Маргаритой дело обстояло иначе... Андрей жил в Москве в съемной однокомнатной квартире в Бирюлеве.

Я до сих пор не понимаю и не знаю, на что он жил: все заработанные деньги уходили на оплату этой, с позволения сказать, квартиры и переводов первой семье в Прионежск.

С детьми от первого брака в то время он совсем не имел возможности общаться.

Мы с Машей и Егором писали Андрею письма, рисовали какие-то смешные картинки, с любой оказией отправляли для нашего папы в Москву «вкусненькое»: то пирожки, то жареную курочку. На вокзал, к поезду, чтобы передать нашему папе посылку, мы ходили вместе: я, Егор и Маша. И дети, которым тогда было четыре года и полтора, знали, что папа будет рад любому привету от них, что они папе нужны больше жизни...

А в 2004 году летом в Москву перебрались и мы.

Андрей к тому времени уже работал по своей специальности и смог снять двухкомнатную квартиру в Бутове. Тот август стал одним из самых счастливых периодов в истории нашей семьи. Мы наконец-то были вместе! Маша просто надыхаться не могла на папу, а Егор при любом удобном слу-

чае держал Андрея за руку, как будто боясь, что снова мы останемся одни...

Когда Андрею позвонила Аля и попросила ее встретить в Москве, мы, не раздумывая, поехали встречать поезд из Липецка все вместе. Мы понимали, что если бы не сумасшедшие коробки с заготовками от бабушки, которые надо перевезти с вокзала на вокзал, Андрея навряд ли оповестили бы о приезде дочери. Ну, хоть так...

Я с самого утра приготовила обед, привела в порядок наше жилище, и в отличном расположении духа мы отправились на вокзал. Ездил Андрей тогда на служебной «девятке», и я не уставала восхищаться тем, как мой муж быстро научился ориентироваться в Москве.

Не знаю почему, но так уж повелось, что всегда, когда с нами в машине оказывалась Аля, я уступала ей свое место рядом с Андреем. Скорее всего руководствовалась тем, что «я его каждый день вижу, а Алька скучает...»

Мы ехали домой, в Бутово, кормить Алевтину обедом, хвастаться нашим новым домом и общаться, общаться... Я даже не сразу поняла, что именно резануло по глазам. А потом, приглядевшись к Але с заднего сиденья, увидела, что она в футболке... с дыр выношенным воротом... Я потеряла дар речи. До сих пор помню даже цвет этой футболки...

– Андрей, давай-ка по дороге домой заедем в магазин... Я кое-что забыла купить к обеду. Нам нужен очень большой магазин...

Я судорожно считала деньги, думала, как и что надо объяснить Андрею.

К счастью, к тому времени мы с моим мужем уже настолько понимали друг друга, что он не стал задавать мне никаких вопросов, а молча поехал по направлению к торговому центру.

Пока дети выгружались из машины, я успела шепнуть Андрею:

– Ты на Алькину футболку посмотри...

– Я уже на джинсы посмотрел.

– Сколько у нас денег? Сколько мы можем потратить?

Андрей назвал сумму, и я, взяв Алю под локоток, отвела в сторону и сказала, что мы сейчас должны очень быстро купить ей кое-что из одежды и на это есть вот столько-то денег... Реакция, как всегда, была молчаливой. «Стесняется», – уговаривала себя я и сама же себе верила... Верила до тех пор, пока наша гостья не начала выбирать вещи... Я снова увидела этот сморщенный носик... Что попало девушка покупать не собиралась. И неважно, что, когда она сняла кроссовки, я увидела протертые на пятках голубые махровые носки... Аля была воспитана своей мамой как истинная дочь высокопоставленного чиновника, потому, по ее мнению, джинсы дешевле ста долларов не имело смысла даже мерить. Мы с Андреем молча смотрели друг на друга и согласовывали эту трату. Ничего, выкрутимся, а Алевтине надо хорошо одеваться, ведь она – барышня... Да и вообще,

говоря по совести, страшно жалко было этого ребенка... Да, меня в душе бесконечно возмущало ее поведение, но я все относила к тому, что Аля просто не по-моему воспитана и слишком юна.

Обновки куплены. В тишине мы возвращались к машине. «Спасибо» и «Ой, ну что вы, не надо, и так столько денег потратили...» не прозвучало.

Дома ждал борщ, разговоры о предстоящей учебе, мой рассказ о том, как строим свою жизнь в Москве. Из окна квартиры мы показывали госте ветку легкого метро...

Аля не выражала никаких эмоций. Диалог не получался. Даже Егор с Машей не могли разрядить обстановку. Перед тем как ехать на вокзал, Андрей вручил дочери причитающуюся ежемесячную сумму. У вагона Алевтина молча чмокнула Андрея в щеку и ушла... Постояв, переминаясь с ноги на ногу, на перроне, потом все-таки решили уйти, не дожидаясь отправления поезда.

Мы ехали по Москве. Мы были вместе, но какая-то тень набежала на наше только-только возвратившееся счастье. Я, с одной стороны, чувствовала облегчение от того, что мы остались одни, а с другой – на душе кошки скребли: на фоне того, какой мы увидели Алю, мы были до неприличия благополучны. И дело не в протертых махровых носках и выношенной до дыр футболке... По сравнению с нами Аля оказалась пронзительно одинокой.

Так уж повелось с самого начала в нашей с Андреем семье, но мы не делали секрета из того, что у отца семейства была семья до нас и есть дети от первого брака. И Егор, и Маша знали о том, что у них есть целых две старшие сестры, ровно с того момента, как стали осознавать себя в этом мире. Как только появлялась возможность и это было удобно, я отправляла Андрея на встречу со старшими детьми вместе с маленьким Егором. Знаю, что рождение Маши Андрей отмечал в кафе вместе с дочерьми... Егор и Маша всегда росли с тем, что в нашей семье детей четверо.

Впервые в своей жизни наш сын с пристрастием стал выспрашивать, почему Аля и Маргарита живут не с нами, именно в тот августовский день, когда мы ехали с вокзала, проводив Алевтину.

Говорить все как есть, но в доступной возрасту форме – это всегда принципиально важно для меня в общении с детьми. Поэтому Егору все вещи называли своими именами, но с добавкой про то, что папа всегда хотел, чтобы девочки жили с нами, а я была против, потому что считаю, что дети должны жить со своей мамой.

Во время разговора по радио заиграла песня про Комарово, и вдруг наш папа запел... Сначала он подпевал тихо, а потом все громче и громче. К припеву наш хор звучал, по моему, на всю Москву... Так громко и так дружно мы тогда

пели впервые в нашей жизни: «На недельку до второго я уеду в Комарово...»

Вечером, уже вдвоем с Андреем, мы впервые серьезно обсуждали варианты переезда Али к нам. Мы понимали, что чем дальше будет продолжаться такое «общение» с дочерью, тем больше станет пропасть между нами и Алевтиной.

А потом так случилось, что Андрею пришлось надолго уехать жить во Владивосток. Мы с Егором и Машей остались в Москве совершенно одни. Отступить было некуда, и я вгрызалась в московскую жизнь как могла, опираясь на совершенно не свойственную детскому возрасту поддержку моих чудесных детей, так похожих на своего папу смелостью и надежностью.

Потихоньку я обростала знакомствами. Сколько же хороших и отзывчивых людей тогда повстречалось на моем пути! Именно в то время в моей жизни появились две подруги. А ведь мы просто вместе водили детей заниматься танцами...

Все складывалось хорошо, и я с легкостью преодолевала трудности. Москва приняла нас, а мы были благодарны ей за то, что нам стало легче дышать, стало ясно, что «завтра» будет.

Мне оказалось так комфортно внутри этой сумасшедшей и реактивной московской жизни, что я была убеждена: так же хорошо здесь всем, кого я люблю.

В 2006 году зимой мы смогли купить квартиру в Чертанове. Много денег взяли в долг, продали квартиру в Прионежске, что-то Андрею удалось заработать на Дальнем Востоке. Четырехкомнатная квартира общей площадью 62 квадратных метра дала нам возможность получить московскую прописку и хоть чуть-чуть расправить плечи. Мы «заземлились» в столице...

Летом впервые за годы Андрей смог взять отпуск в июле, и мы отправились в Прионежск. По дороге заехали в гости к родителям Андрея. Свекровь отмечала юбилей. Нам удалось договориться с Алей, и она тоже приехала к бабушке на праздник.

Та встреча с Алевтиной, уже совсем взрослым ребенком Андрея, положила начало совсем другим нашим отношениям, другому пониманию друг друга.

В ночь на 20 июля, в канун праздника, мы с Алей наддували шарики, украшали дачу, чтобы утром начать праздновать юбилей, и болтали, болтали – тем для разговоров было не счесть.

Я нарадоваться не могла тому, что увидела перед собой девочку с открытой душой, готовую слышать меня – собеседника. Я, как всегда, рассказывала очередную историю из своей жизни, когда вдруг Аля посмотрела на меня и спроси-

ла:

– Почему вы с папой сразу не забрали меня к себе?

– Аль...

– Я так долго ждала, когда меня вызовут в суд и спросят:

«Девочка, с кем ты хочешь жить?» – а я отвечу: «С папой!»»

В горле застрял ком, из глаз предательски катились слезы.

Я подсела к Альке, обняла ее, пыталась что-то объяснить, гладила такую маленькую и растерянную девочку по голове, вытирала слезы с ее веснушчатых щек...

Господи! Как же мне было тогда стыдно! Как горько... Как я была виновата! Как я могла не увидеть, не почувствовать, не услышать, не понять... Да что же это? Откуда я взяла, что ребенок может жить только рядом с мамой? А папа?! Получается, что я была не права... Как же не права...

Внутри меня все разрывалось... Да... Услышать такие слова от двадцатилетней девушки – большое испытание. Сколько же лет этот ребенок ждал возможности задать вопрос: «Почему вы с папой сразу не забрали меня к себе?..»

Мы проговорили до самого рассвета.

Тогда впервые я услышала много откровенного от Али про ее маму, про их отношения, про их жизнь. Я не узнала ничего, что расходилось бы с рассказами Андрея, с тем, что наблюдала за эти годы я. Но тем не менее продолжала защи-

щать Марину, находить объяснения ее поступкам и делала все, чтобы не дать Але сказать о своей маме что-то такое, о чем потом пришлось бы жалеть...

Дальше была тяжелейшая поездка в Прионежск.

Мы ехали поддерживать Маргариту во время поступления в университет, навещать мою маму, встречаться с друзьями. А попали на похороны нашего близкого друга...

Тем не менее Андрей делал все от него зависящее, чтобы Маргариту зачислили на выбранный ею факультет. Муж даже звонил ректору университета. Дочь Андрея окончила школу с серебряной медалью, имела высокие баллы, но мы считали, что лучше перестраховаться. И не напрасно: Маргарита и еще два абитуриента набрали одинаковое количество баллов, а мест оставалось только два. Тогда Андрей и позвонил ректору...

Так вышло, что момента вывешивания списка зачисленных мы ждали с Маргаритой вдвоем. Она была такой напуганной, так волновалась! Бродила по холлу главного корпуса с подружкой и ждала... Видимо, так было угодно судьбе, чтобы в тот момент мы оказались вместе: Андрей занимался организацией траурных мероприятий, и поддержать Масю в университет пришла я.

Спустя время на фразу отца про то, что он был рядом с ней во время поступления в вуз, Маргарита уверенно скажет, что

он к этому событию в ее жизни не имел никакого отношения, это ее мама подняла на ноги «всех своих знакомых и все свои связи»...

Осенью в нашу новую квартиру в Москве приехали в гости Аля и ее кавалер Петя. Этот союз активно поддерживала мама Алевтины, ну а мы всегда руководствовались принципом: дочь любит, и мы полюбим. В те дни и состоялся наш первый разговор о переезде Али в Москву. Андрей сказал, что готов устроить дочку сначала на преддипломную практику, а потом, по ее результатам, на работу. Сразу решили, что, когда Аля устроится на постоянную работу, она снимет комнату и будет жить самостоятельно. О финансовой поддержке молодого специалиста с нашей стороны тоже поговорили. Мы видели, что у Альки глаза горят, а Петя не в восторге от всей этой затеи. Но наше дело – предложить, а уж решение Алевтина примет самостоятельно.

На каникулы после зимней сессии Аля и Маргарита приехали к нам вдвоем. Традиционно в планы входили походы по театрам и магазинам. Тогда в Подмосковье жили родители Андрея, и, конечно, мы отправились все вместе к ним с визитом. В тот вечер я впервые услышала от свекра: «Спасибо за девочек. Особенно за Алю. Пожалуйста, не оставляй ее, у нее блестят глаза, когда она тебя слушает...» Я была счастлива.

В тот же приезд детей я впервые стала открыто делать им замечания. Удивительным образом эти совсем взрослые девушки, прожив последние годы в абсолютно женском коллективе – они, мама и бабушка, – не приучились убирать за собой со стола.

Как-то, зайдя на кухню и обнаружив на столе кучу конфетных оберток и грязные чашки, я позвала их обеих и сказала: «Что-то мне подсказывает, что здесь надо навести порядок». Аля покраснела и опустила глаза, а Маргарита посмотрела на меня, улыбаясь, и вызывающе ответила:

– Знаете, как говорится, да, вот такая я скотина...

Я в ответ лишь улыбнулась, надеясь, что все и так всё поняли. Со стола убирала Аля.

Тогда же я начала в шутку говорить девочкам: «А теперь дружно обняли папу и сказали „спасибо!“...»

Я радовалась от души, когда дети стали произносить слово «спасибо» без подсказки. Это была моя маленькая победа.

Буквально через несколько дней после отъезда совершенно неожиданно мне позвонила Аля. Был поздний вечер, поэтому я разговаривала с ней шепотом, сидя на кухне:

– Ты мне сразу скажи: с тобой все в порядке? – я даже не дала Алевтине поздороваться.

– Не волнуйся, все хорошо... Просто хотела тебе сказать... – через сотни километров я чувствовала, что на том конце провода человек светится и улыбается.

– Чудесно... Слушаю тебя. Привет!

– Скажи мне: ты смотрела фильм «Мачеха» с Джулией Робертс?

– Конечно...

– Давно?

– Ну да...

– А можешь пересмотреть заново?.. Только прямо сегодня?

– Хорошо. Сейчас дети окончательно заснут, и посмотрю.

– Обещаешь?

– Вне всяких сомнений.

– Тогда я завтра буду ждать от тебя впечатлений. Я с утра на учебе, так что лучше пиши. Извини, что поздно позвонила. Папе привет передавай. Целую.

– Очень рада слышать тебя, девочка моя! Целую.

Пожалуй, это был наш первый такой разговор. Сердце мое колотилось и выпрыгивало. И я очень боялась сглазить...

Конечно же, бросив все свои вечерние заботы, я уселась смотреть кино. Знала этот фильм наизусть. И, боже мой, сколько раз всматривалась в экран, чтобы понять, поймать самое важное и услышать ответ на свой вопрос, который был чуть ли не главным уже долгие годы: «Как стать той самой настоящей мачехой? В хорошем смысле этого слова...» После Алиного звонка я смотрела фильм по-новому. И все поняла... Почувствовала... Надо просто открыть этим детям свое сердце. Просто любить и не ждать, что тебе ответят вза-

имностью... Не пытайтесь стать для них мамой. Мама одна. И она самая лучшая...

Всю ночь я не могла уснуть. А утром, едва за Машей закрылась дверь в детском саду, я написала сообщение: *«Аленька! Спасибо! Это так хорошо, что ты есть в моей жизни. Целую»*. Почти сразу пришел ответ: *«Катенька! Ты очень похожа на Джулию Робертс и ее героиню. Но ты лучше. Целую»*.

А вскоре мы узнали, что осенью снова станем родителями. Да-да! Я забеременела нашим третьим малышом! Как же мы были счастливы! Получив радостное известие, мы с Андреем обвенчались. Сбывалась моя мечта: у меня будет семья, в которой много детей. Как и в предыдущие беременности, я совершенно не изменила свой образ жизни и, даже хорошо понимая, сколько дел предстоит впереди, пошла на курсы вождения...

Несчастье, как обычно, грянуло неожиданно. Мы потеряли ребенка.

Врачи не смогли сохранить беременность.

Насколько это было возможно, мы с Андреем стойко переживали свое родительское горе, окунувшись с головой в заботы о Егоре и Маше. А когда весной в Москву на преддипломную практику приехала Аля, я почувствовала, что боль

начинает отпускать: ребенок в моей жизни все-таки появился, пусть и совсем уже взрослый.

Мы стали жить вместе, одной семьей.

Зная свой непростой характер, я серьезно работала над собой, понимая, что Але гораздо сложнее и страшнее, чем мне.

Я отлично помнила свои ощущения от переезда в Москву. Этот город проглотил меня и придавил своим темпом, звуком и масштабом. Но высокое небо, ощущение, что «смотришь вперед и далеко видно», все испукало.

Моей задачей было сделать так, чтобы Аля не испугалась, не сдалась и захотела приехать жить в этот город навсегда.

Мы начали с того, что полностью сменили ее гардероб. Это было приятное занятие, мы получали удовольствие не только от того, что ходили по магазинам и выбирали, примеряли, покупали, но и от общения. На моих глазах девочка из провинции превращалась в московскую леди. Хотя я прекрасно отдавала себе отчет в том, что одежда – это не самое главное. Але предстояло многому учиться, прежде всего умению общаться с людьми.

Больших моральных усилий мне стоило заставить себя начать говорить Алевтине о том, что у нее отвратительная дикция, что ей надо заниматься не только с логопедом, но и своей внешностью, причем кардинально, пора идти к стоматологу. Оправдывала я себя тем, что Андрею говорить со взрос-

лой дочерью о таких вещах неудобно. Алька старалась. Из всех своих детских сил.

Первое время я почти каждый день забирала ее из офиса после работы. Мне казалось, будет правильным оградить Алевтину от давки в общественном транспорте. Вечерами мы непременно гуляли в парке с детьми. Бесконечно долго говорили. Я видела, как Але нелегко, как она старается завоевать признание на работе, но вместе с тем видела, что внутреннего стержня у этого человека нет, ее надо вести за собой. Я была готова это делать. А Алька с радостью начала шагать по московской жизни за мной, след в след...

Говоря по совести, самым сложным испытанием оказалось испытание совместным бытом.

Сейчас, спустя много лет, с трудом понимаю, как мы тогда со всем справились. Выгребая волосы из ванной, убирая с клавиатуры компьютера брошенные предметы женского белья, я невозможно раздражалась. Срываясь на Маше и Егоре, старалась максимально тактично все объяснять Але.

Непросто было научить нашего нового члена семьи быстро собираться на работу. В условиях маленькой квартиры с совмещенным санузлом сборы на работу – в школу превращались в шоу. Не всегда в юмористическое. Алевтина патологически никуда никогда не торопилась. Мне – дочери офицера и жене крайне требовательного мужа – было совершен-

но непонятно: как можно так долго собираться, находиться в ванной, красить лицо...

Но это, наверное, еще и особенность нервной системы: вечно мне было неудобно обременять людей собой. Я считала, что не обременять – правильно. Поэтому старалась донести эту мысль до Али.

Если Алевтина открылась мне и я могла лепить из нее, как из пластилина, то Андрей был затвердевшей глиной. Он всегда болезненно реагировал на отголоски своего первого семейного опыта. Но прежде это были, что называется, разовые ситуации. А тут в его мир ворвалось живое напоминание того, как ему было плохо. И он, любящий, заботливый папа, взрослый, состоявшийся мужчина, порой не мог с собой справиться.

Аля – внешне копия Андрея – своими поведенческими чертами, особенностями характера выросла точной копией мамы. Когда Алевтина впервые из-за чего-то поссорилась с Машей, она так резко перешла на крикливый визг, так стала размахивать руками, что я тотчас вспомнила рассказы Андрея о скандалах с бывшей женой.

«Ребенок не виноват, – рассуждала я. – Аля будет жить с нами и станет похожей на нас. Мы – одна семья».

...Сейчас я понимаю, что это было одним из самых моих больших заблуждений. Я даже не поинтересовалась тогда у

Али: она-то хочет быть такой, как мы?..

Но в ту пору я этого не понимала и пыталась строить новый мир, новый быт внутри нашей семьи, сохраняя прежние уют и тепло.

Получалось с трудом.

Однажды на ночь глядя Аля что-то стряпала на кухне. Ночью ко мне в комнату влетел разъяренный муж и шепотом прокричал:

– Если сейчас же на кухне не выключат воду и не перестанут греметь сковородками, я кого-нибудь убью.

– Андрей, ты с ума сошел? Девчонка старается...

– Почему этим нельзя заниматься вечером?

– Наверное, потому что мы все дома... Тесно... Аля нам готовит сюрприз: торт... Ведь завтра наша с тобой годовщина...

Андрей сел рядом со мной, обхватил голову руками и заговорил:

– Ты ничего не понимаешь! Ты не понимаешь меня!.. Это невыносимо... Я совершенно не могу уснуть... Бред какой-то... Как будто все вернулось назад... Этот звук воды ночью... Этот грохот посуды... Марина никогда не ложилась спать вместе со мной. Укладывала детей и уходила на кухню. Она была бесконечно занята чем-то на кухне...

– Андрей! Успокойся... Каждая женщина, у которой двое детей, муж, должна проводить много времени на кухне... Я же тоже... – не договорив, я осеклась. Муж смотрел на меня

в темноте и почти кричал:

– Каждый раз, каждый раз, как только я ложился спать, она начинала мыть, чистить, готовить, печь эти свои торты... Эти бесконечные пироги, печенье... Ты никогда не проводишь столько времени на кухне, а порядка у тебя больше. Ты не представляешь, что творилось на той кухне! Это такой образ жизни, понимаешь? Не надо мне ничего! Скажи ей... Сначала она всю ночь будет на кухне околачиваться, а потом спать до двух часов дня!..

– Иди сам и скажи...

– Я не могу... Не могу. Я же все понимаю... Аля не виновата в том, что выросла не в нашей семье.

– Ну, раз понимаешь, тогда иди и ложись спать...

Конечно, утром никто из нас ничего Алевтине не говорил. Вернее, днем, когда она просыпалась после ночной стряпни.

Только долгие-долгие разговоры и уговоры спасали нас от домашних конфликтов. Разрываясь между Андреем и Алей, я по кирпичику, аккуратно заново строила их отношения.

Несмотря на все сложности и перипетии, я привязывалась к Альке все сильнее и сильнее. Я окружила ее такой же заботой и вниманием, как Машу и Егора. Это было принципиально: не делать разницы между родными детьми и Алей. Чужих детей не бывает... Так что и любви, и строгости они

получали поровну.

Единственное, чем отличалось мое отношение к Алевтине от отношения к Егору и Маше, это постоянным желанием что-то ей дарить. Мне казалось, Але совершенно необходимо то это, то то, и уж очень хотелось, чтобы она ничем не отличалась от девушек в офисе, и в этом смысле тоже была уверена в себе.

Кроме того, я все время боялась, что мне когда-нибудь будет стыдно за мою Алю и что она «обабится». Почему-то очень живо представляла себе, как наша девочка выйдет замуж, а ее свекровь мне скажет: «Ну что же вы Алевтину не научили вести себя прилично... убирать за собой... разговаривать со старшими...» Я видела не только Алькины достоинства, но и недостатки. Но была абсолютно уверена: вместе мы со всем справимся. И мы справлялись. Это правда.

В июне я с детьми, как обычно, была в Ялте. В тот год мы впервые сняли дом в Массандровском парке. Я была в восторге, дети счастливы, Андрей умиротворен. Но разве я могла тихо и спокойно наслаждаться отдыхом? Обязательно должна была поделиться своим счастьем с миром.

Меня всегда удивляло, что мама Алевтины и Маргариты не вывозит их летом на море: возможность такая была, и желание Андрея оплачивать отдых детей у моря – тоже. Но девочки и их мама упорно ездили каждое лето в Липецк.

Одним словом, я предложила мужу снять для девчонок на август комнату у тех же хозяев. Условия мы видели, то, что за детьми приглядели бы, – не сомневались, а уж то, что Але и Маргарите необходимо море, не вызывало вопросов.

Андрей и я обсудили идею и позвонили девочкам. И та и другая ответили радостным согласием. Мы тотчас забронировали и оплатили номер.

Мой отдых продолжался и был наполнен еще большим счастьем. Андрей то отдыхал с нами, то уезжал-улетал в командировки. А я каждый день подолгу общалась с Алей то по телефону, то в сообщениях.

Молодой человек по имени Николай появился в жизни Али одновременно с нашим отъездом в отпуск. К счастью, мы с Алевтиной стали хорошими подругами, и она доверяла мне свои сердечные дела. Я прекрасно помнила себя в этом возрасте, и новый роман старшей дочери вызвал во мне бурю эмоций! Я так за нее радовалась! Была счастлива, словно сама влюбилась... Помню, после очередного разговора с Алей даже написала свекрови сообщение: «Наша Алька влюбилась!!!»

Уезжая из Ялты домой, я оставила у хозяев наших апартаментов целый мешок с вещами для следующей партии отдыхающих семьи Сандаковых. Зачем, думала я, девчонкам тащить все эти полотенца-крема-подстилки...

Когда дело дошло до покупки билетов на поезд до Симферополя для Алевтины и Маргариты, выяснилось, что у мамы девочек свое, отдельное от нас мнение по этому поводу. Она против поездки. Прежде всего потому, что «Мася слишком маленькая...» Описывать вынос мозга Андрею, который ему устроила бывшая жена по телефону, не стану. Паспорт Маргариты был спрятан. Ребенок на море поехать не мог.

Но Аля, будучи в Москве, решила, что поедет в Крым все равно, и стала думать, кто мог бы составить ей компанию. Медленно, но верно события стали разворачиваться так, что стало ясно: Аля поедет с Николаем. Мои моральные устои и знания о жизни Алевтины до переезда в Москву позволяли спокойно отнестись к такому повороту событий. Молодой человек принял предложение Али, но взял часть расходов на себя.

Говоря по совести, я толком не помню, как решался этот вопрос. Но осадка в душе нет, значит, по-людски.

Конечно, все время отдыха Али и ее друга на море мы были на связи. Разговаривать по телефону дорого, поэтому обменивались сообщениями. Молодежь оставалась всем довольна, благодарила и каждый день докладывала о новых экскурсиях и событиях. Мы радовались! Что еще нужно родителям?..

Совершенно неожиданно для нас на отдыхе Николай сде-

лал Але предложение. Ялта, море, южные вечера... Сама обстановка располагает к абсолютному счастью... Алька, хохоча, потом долго рассказывала мне подробности того романтического вечера.

Видимо, на волне счастья и в предвкушении «настоящей взрослой семейной жизни» влюбленные завели себе кошку. Прямо здесь же, в Ялте. Гуляя по городу, Аля и Николай увидели, что раздают котят, и не устояли...

Когда я узнала об этой затее, потеряла дар речи. Как? Зачем? Куда? А в поезде как? А через границу?

Но молодые путешественники рьяно взялись за решение всех проблем, возникших с появлением маленького питомца.

В Москве мы встречали детей вместе с Андреем. Сразу у вагона утеплили и Николая, кое-как уговорив его надеть джемпер Андрея, и Альку, специально захватив из дома теплую кофту.

Сначала отвезли домой Николая. Провожая сердечного друга до подъезда, Алевтина вручила ему котенка...

– И что теперь будет? – спросила я у дочери, когда она села в машину и мы направились в сторону теперь уже нашего дома.

– С кем? – улыбаясь, уточнила Аля.

– С котенком...

– А... Ну, что будет? Будет жить с Николаем.

– И с его мамой...

– Он сказал, что решит все вопросы, – уже почти надула губы Аля.

– Я даже не знаю, кого мне больше жалко: маму Николая или котенка, – глядя в окно, произнесла я. – Скажи мне честно: чья это была идея?

– Ну, моя...

– Значит, и вопросы решать должна ты, Аль. Николай целыми днями не бывает дома... А вдруг у его мамы аллергия на кошек? Ведь почему-то до сих пор у них не было кота? У тебя практика закончится, ты в Прионежск доучиваться уедешь...

– Нам было жалко котенка...

– Аль! А сейчас? Уже все? Не жалко? Я тебя очень прошу: не оставляй Николая один на один с этой проблемой. Тебе же потом лучше будет.

– Хорошо.

Больше до дома мы не произнесли ни слова.

Спустя несколько дней, за ужином, Алевтина сказала нам о том, что Николай хотел бы прийти к нам в гости.

– Он хочет с вами поговорить... Ну, сообщить кое-что... – счастливо улыбаясь, щебетала Аля.

Конечно, мы с Андреем прекрасно понимали, что придет нам «сообщать» Николай. Дело предстояло серьезное, и го-

товиться надо было основательно.

Я тщательно продумывала меню, жарила-варила-пекла, накрывала на стол. Андрей хмурился и переживал.

Это был наш первый опыт встречи с Алиным уже «женихом». Боже мой, как же мы все нервничали...

На Николае, когда он зашел в наш дом, не было лица. А Алька вся светилась!

Честно говоря, мы с ней все продумали. Я же понимала, что очень важно, как молодой человек зайдет в квартиру и какое в этот момент произведет впечатление на отца своей девушки. Поэтому прямо в коридоре мне вручили букет цветов, Андрею – бутылку коньяка, а Маше и Егору – по шоколадке.

Мы уже сидели за столом, когда Николай взял слово. Это был очень трогательный, волнительный и важный момент в нашей жизни. Пока он говорил, он все время держал Алю за руку. Сначала жених рассказал о себе (он не только был курсантом военного училища, но и умудрялся работать), потом о своих планах на жизнь, а потом: «Мы с Алей любим друг друга! Андрей Юрьевич, Екатерина, прошу у вас руки вашей дочери!...»

Дальше я помню плохо. Было столько радости, счастья и нашего с Алькой визга, что ход событий восстановить сейчас невозможно.

Мы решили, что о свадьбе подумаем, когда молодежь по-

лучит дипломы. То есть впереди у нас был год. Мы остались довольны выбором Алевтины. Как-то с самого начала увидели, что рядом с ней оказался настоящий мужчина, пусть и совсем молодой. Нам нравилось, как очень четко и ясно он излагает свои мысли, говорит, глядя в глаза, и то, что Аля рядом с ним притихла, стала воздушной и трепетной.

А потом был день рождения Алевтины. К нашей общей радости, на него смогла приехать Маргарита. Заручившись согласием и материальной поддержкой Андрея, я развернулась от души. Это был первый день рождения нашей девочки, который мы отмечали все вместе. Мы сняли дорожку в боулинге, заказали в ресторане стол с условием, что «все-все должно быть в шариках».

Мы уже все собрались, играли, смеялись, но Аля была хмурой и раздраженной: Николай опаздывал.

– Ты успокойся, Аль, – говорила я дочери, – ты же теперь сама хорошо понимаешь, что такое Москва. Он едет с другого конца города. И потом он же курсант – мало ли что в училище.

Алевтина слушала меня, но было видно, что она разобижена до слез и никакие здравые доводы воспринимать не может. Наконец звонок от Николая, он просил Алю встретить его и показать, куда идти. Она ответила: «Сейчас», – взяла шар и пошла к дорожке.

– Аля! Где он? – Я ничего не понимала.

– Стоит где-то у лифта, не знает, как идти к боулингу.

– Так иди, найди его!

– Пусть ждет. Он опоздал, а я... Сейчас моя очередь играть...

Я смотрела на нее и не узнавала: передо мной стояла не моя Алька, а та, которую я одевала в детстве, и она морщила свой нос...

– Ладно, играй, я его найду сама.

Я пулей спустилась на первый этаж. У лифта стоял красивый смущенный молодой человек, в руках у него были белые лилии.

– Николай, здравствуйте! Пойдемте. Алька там немного расстроилась... Ну, знаете, у девочек это бывает, когда чего-то очень ждешь...

– Здравствуйте, Катя! Спасибо.

Мы направились в зал, к нашей дорожке. Николай сразу подошел к Андрею, они пожали друг другу руки, поздоровались, тут же на них налетели Маша с Егором. Аля продолжала играть... Вернее, она повернула голову, посмотрела на Николая, окатила его презрительным и холодным взглядом и... продолжила играть. Лишь когда ее гейм закончился, она подошла к жениху и подставила щеку для поцелуя.

Я не знала, как сгладить эту неловкость. Мы с Андреем бросились что-то предлагать Николаю из еды, вносить его имя в компьютер, чтобы он мог начать игру...

Выбрав момент, я подошла к Але:

– Ты что творишь?! Посмотри на него: на нем же нет лица. Он еле-еле смог вырваться из училища: сегодня же будний день. Если ты будешь так обращаться с ним, ты его потеряешь.

Алевтина молчала. Но я видела, что она услышала меня и взяла себя в руки. Дальше все складывалось отлично. Молодые все время были вместе, Алька о чем-то щебетала, Николай в ответ улыбался. Одним словом, все закончилось хорошо.

А к Новому году пара Николай – Алевтина распалась...

Еще на дне рождения Андрея, в октябре, когда я опять сама встречала Николая, чтобы проводить его к гостям, мы успели перекинуться парой фраз. Молодой человек горько сказал мне:

– Знаете, Катя, с тех пор как я сделал Але предложение, рядом со мной совсем другая девушка...

Я пыталась что-то ответить, но все это было бесполезно. Алевтина получила желаемое и тут же расслабилась. Мы много говорили тогда, анализировали, делали выводы. Я знала, что Аля серьезно переживала разрыв с Николаем и понимала свои просчеты. Но жизнь шла дальше, и впереди все должно было быть исключительно хорошо.

Зимой мы договорились с Маргаритой и Алевтиной, что они пойдут учиться в автошколу. К тому моменту у меня в голове уже отложился «набор необходимых навыков», которые должны быть у детей к окончанию вуза. Водительское удостоверение – неотъемлемое приложение к диплому. Мы заручились согласием Андрея, оговорили финансовые вопросы, и процесс пошел. К моменту переезда в Москву у Али были права. Мы в свою очередь вписывали ее в мою страховку, чтобы «у ребенка шел водительский стаж».

Ну а пока Аля сдавала в Прионежске госэкзамены, мы подыскивали для нее комнату. Я впервые столкнулась с такой задачей. Рассмотрела много вариантов и, наконец, остановилась на уютной комнатке недалеко от офиса, где предстояло работать дочери. Комнату сдавала пожилая женщина, и мне казалось, что все должно быть чудесно.

Наступил день, когда Алевтина окончательно переехала жить в Москву. Сказать, что мы готовились, – не сказать ничего...

С вокзала мы приехали к нам. Заранее договорились, что Аля сначала сама посмотрит комнату, которую я выбрала, одобрит этот вариант, и только потом я оплачу хозяйке аренду. Все так и происходило. Для того чтобы картина была полной, мы посмотрели не одну комнату. Но все-таки остановились на варианте, который выбрала я. Аля понравилась хо-

зайке, хозяйка – нам. Я везде и всегда ездила с Алевтиной сама, объясняла нашу ситуацию и видела, как люди удивленно реагируют на наш с Алей дуэт: мачехи и падчерицы. Нам с ней нравилось производить «такое» впечатление на людей, и мы становились еще ближе.

Вечером накануне переезда я на ходу спросила:

– Аль, тебе что для хозяйства надо дать?

Алевтина молчала.

– Ты почему молчишь? Не тормози, завтра с утра переезд, надо все собрать. Тарелки-ложки-чашки?

– Всё.

– ?

– Мама сказала: «Зачем тебе что-то давать, если все равно у тебя ничего не получится и ты вернешься...»

– Так. Сейчас все решим. А мама так сказала, потому что ей было очень жалко тебя отпускать.

Я зашла на кухню и начала собирать «приданое». Потом постельное белье, одеяло, подушку, утюг... Собирала и вспоминала, какие слова об Але сказала Марина Андрею, когда вопрос о переезде дочери в Москву стал делом решенным: «Ты еще горько пожалеешь о том, что забрал ее к себе. Аля твоя – махровая эгоистка. Ты будешь умирать, а она через тебя перешагнет и пойдет...»

На следующий день Аля переехала от нас и стала жить самостоятельно.

С того дня каждое мое утро на протяжении нескольких лет начиналось с неизменного сообщения Альке или звонка.

– На улице дождик, не забудь зонт...

– Как твое самочувствие? А настроение?

– Что ты будешь обедать?

– В выходные давай вместе куда-нибудь выберемся...

Все было замечательно!

Каждый день приносил новые радости, новые открытия. Аля потихоньку становилась москвичкой.

Но для полноты картины не хватало одного: прописки. На эту тему мы много говорили с Андреем. Я была убеждена, что Алевтину необходимо прописать в нашей квартире. И с точки зрения всяких социальных дел, и с точки зрения «московского стажа». Я говорила мужу:

– Послушай, ну ведь когда-нибудь девочка наша выйдет замуж, задумается о покупке жилья. А во всех программах московского правительства, которые поддерживают молодые семьи, есть неизменный пункт про количество лет, прожитых в столице...

Андрей колебался. Я решила подключить свекровь. Но и она была категорически против. Моя мама просто не находила приличных слов, чтобы объяснить мне то, чем я занимаюсь.

Да... Говоря по совести, не было ни одного человека, который бы меня поддержал в этой затее.

Но я была бы не я, если бы не убедила Андрея решить этот вопрос в пользу Али. Вскоре Алевтина Сандакова стала полноправной москвичкой.

Дни шли за днями, весна была в самом разгаре. Как-то мы возвращались домой все вместе, и Андрей решил позвонить Маргарите. Она что-то совсем пропала в последнее время: ни звонков, ни сообщений. Аля не могла нам внятно объяснить, что происходит.

Я не слышала, что говорила Маргарита отцу, не прислушивалась к репликам Андрея. Но до сих пор помню лицо мужа после того разговора и глаза... У меня было ощущение, что Андрей постарел на десять лет за несколько минут. Мы даже остановились.

– Что с ней? – спросила я.

– С ней все в порядке. Но общаться со мной она больше не хочет.

– То есть? Почему?

Андрей молчал. Я судорожно перебирала в голове все, что могло случиться:

– Мы деньги в этом месяце отправили. Я не знаю, получила ли она их, но я отправляла...

– Мало...

– Чего мало? Денег? Да вроде как обычно...

– Я ей должен... Я ей должен еще три тысячи...

– Что значит «должен»?! – Здесь уже дар речи потеряла я.

– Ну, вот так мне было сказано: «Ты должен мне еще три тысячи, потому что обещал купить мне фотоаппарат, а дал только пять...»

Я плохо помню детали той истории. Но, к счастью, сохранилась наша переписка с Маргаритой в те дни. Я иногда перечитываю ее письма, чтобы понять и попытаться принять как факт такой вариант любви дочери к отцу.

6 апреля 2008 в 22:56

Екатерина – Маргарите

Привет! Ну и денек сегодня... С утра понеслось...

Я вот что хочу тебе сказать – написать. Не как та, из-за которой папа ушел от мамы. (Поверь, уходят не к кому, а от кого. И ты обязательно должна задать папе ВСЕ вопросы и услышать ответы. У тебя впереди целая жизнь, ЖЕНСКАЯ жизнь, и в ней очень важно уметь любить. А это большой труд.) А как та, которая с тобой хоть и редко, но всегда говорила искренне и откровенно.

Так вот. Вчера я целый день провела рядом с моим папой. Мы ездили во Владимир, и я впервые за восемь (!) лет была с папой целый день. Когда мы ехали обратно, я плакала. Плакала оттого, что люблю его и хочу, чтобы по выходным за столом собиралась ВСЯ семья: и папа, и мама, и мои дет-

ки... Но у меня этого не будет НИКОГДА. В этом НИКТО не виноват. Предъявить претензии некому. Обвинить некого. Надо попытаться разумом, а не сердцем понять: это такая жизнь. Поэтому папа отдельно. Мама отдельно.

Мне в июне тридцать пять. И кое-что из жизненного опыта уже поднакопилось. Банальная истина, что надо учиться на чужих ошибках, вроде бы освоена мной полностью. Я знаю, что не так было в браке моих родителей. Поэтому многое у меня по-другому. Ты попробуй понять, почему все сложилось так, как сложилось. Никогда не забывай, что в каждой истории есть две правды. И они абсолютно честные и настоящие. Потому что в каждой такой истории есть два человека. Я знаю правду моего папы. И я знаю, что до сих пор не оправилась от ухода отца моя мама. Но я знаю, для них важно, что их дети (мы с братом) их любят, и этим они соединены до конца своих дней.

Мы много говорим с Алей. И я всегда ей повторяю одну вещь: скажи сейчас тому, кого ты любишь, о своей любви. Может быть поздно. Мы все ходим под Богом. И откуда мы можем знать, что произойдет с теми, кого мы любим, в следующую минуту, после того как выключен телефон и сказано то, что сказано...

Папе дополнительных лет жизни сегодняшней ваш разговор не принес. Тебе, думаю, тоже.

А чего вы оба добились в итоге? Я знаю, что папа любит одинаково и тебя, и Алю, и Марусю, и Егора.

Ты станешь мамой и вспомнишь мои слова: нельзя любить своих детей по-разному. Это невозможно. Просто по природе.

Папа любит тебя. Тоскует по тебе, потому что ты дальше от него, чем остальные трое. Потому что в ваших отношениях все складывается так, как складывается.

Бог свидетель, каждый раз, когда дети в выходные где-то колбасятся, мы смотрим на них, и папа говорит: «Как мне не хватает Маськи-колабаськи» (по-моему, имя именно такое...).

Наверное, пришло время многое тебе рассказать.

Например, о том, как я говорила папе, что если он забереет вас у вашей мамы, то она сойдет с ума от горя. И он не стал этого делать.

А теперь он меня винит.

Но я всегда считала, что связь отца с детьми разорвать ничто и никто не сможет, а жить дети должны с мамой.

Если бы у меня забрали детей? Я бы умерла!

Твой отец не смог причинить такую боль твоей маме. Как-то у меня все это сумбурно получается...

Но ты уж меня прости. Это мои мысли-эмоции. Приезжай к нам – поболтаем. Точно! Приезжай на 9 Мая в Москву. Поедем салют смотреть!))))))))))

Надо обязательно вам с папой поговорить по-взрослому. Или просто поболтать ни о чем. Это тоже очень важно.

Я со своей стороны, обязуюсь нейтрализовать кучу из

остальных детей, вкусно кормить и не заставляя мыть посуду.))))))))))

Ждем тебя!

Р. С. Эти эмоции не требуют ответа. Не заморачивайся. А захочешь написать – буду рада. Пока.))))))))))))))

8 апреля 2008 в 5.37

Маргарита – Екатерине

Все бы хорошо, просто у меня папы не было эти десять лет вообще никак, ни разу не было такого, чтобы я, поговорив с папой, потом не плакала. Никогда не чувствовала его внимания. Он никогда не интересовался, что мне интересно, а если я рассказывала, то вообще не проявлял эмоций.

И претензия в этот раз (как и много раз раньше) была в том, что он никогда не скажет ничего заранее, а потом, на мой взгляд, подло говорит, что денег не вернет. Я давно перестала что-либо просить у папы ...

Он говорит, что присылает пять тысяч мне на жизнь. Но с этих денег трудно накопить то, что мне нужно.

У меня разваливается диван – на новый нужны деньги.

Я учусь на математическом факультете, у меня комп, на котором идут не все программы, а на новый тоже нужны деньги... Много чего можно перечислять, просто знаю, что папа никогда не купит. А когда я копила с трудом деньги на фотоаппарат и папа, заранее не говоря, что не вернет

деньги, отнимает большую часть, это обидно до слез... Все-таки, я думаю, три тысячи для меня и для папы – разные деньги...

Хотя зачем я все это пишу... Если папа раньше ничего не понял, то и это его не проймет. Вот и сейчас я встала в пять утра, чтобы доделать работу по учебе, так хочется, чтобы папа хоть раз сказал, что гордится мной... Хотя все равно и этого не будет... А те, кто любит, гордятся просто так, просто потому что ты есть.

8 апреля 2008 в 9:48

Екатерина – Маргарите

Маська! Девочка! Ты такая хорошая! Маленькая и глупая!!! Вот давай откровенно? Это же НАШ с тобой разговор? Про деньги. Деньги – это очень всегда сложно. Во – первых, тем, КАК они зарабатываются. Во-вторых, тем, КАК за них потом говорить «спасибо» тому, кто их заработал и дал «на жизнь».

Вот смотри. Папа (лучший в мире муж и папа!) имеет то, что имеет, потому что очень много работает, почти никогда не бывает дома. Он живет в каких – то жутких съёмных квартирах то в Волгограде, то в Воронеже, то у черта на куличиках и в свои сорок три года сам себе гладит рубашки и покупает какие-то дурацкие сковородки... Коро-че, сама понимаешь.

При этом до сих пор отдаёт долг за купленную нами два года назад квартиру, кредит за машины, полностью содержит своих родителей, помогает тебе и Але, ну и я не говорю уже о Егоре с Машей, которые пока не могут пойти сами зарабатывать какие-то деньги.

И ты знаешь, что так было всегда. Никогда папа (хотя, может быть, в 2002 году так и было) не оставлял вас без денег.

Маргарита! Диван, который разваливается, кто купил? Правильно, твой папа. А ты помнишь когда?..

Ведь вопрос не в том, чтобы купить диван. Вопрос в отношении к папе.

Почему он всегда плохой? Ты знаешь, кем начинал работать папа в Москве? Называлось для всех «менеджер торговой сети». А на самом-то деле ГРУЗЧИКОМ!!!

Это, конечно, мои эмоции... Попробуй взглянуть на все с другой стороны. Если выразить мою мысль примитивно, чем ты к папе лучше, тем у тебя всего будет больше. И вопрос не в материальном, а в моральном! НИКОГДА твоя мама не сказала папе, что он что-то сделал так в отношении вас. НИКОГДА не подсказала вам, что папу надо поддерживать и в трудную, и в хорошую минуту.

Ты пойми: твое отношение к папе воспитано мамой. А она почему-то всегда считает, что папа ей должен.

Скажи, а как мама зарабатывает на твой диван? Или ты? Я могу согласиться с тем, что твоя главная работа

– это учеба. А мама? Как насчет карьеры? Зарабатывания денег на пяти работах, только чтобы доказать козлу, который ее с двумя детьми бросил, что он ничтожество?

Не ждать очередной подачки от бывшего мужа, который уже давным-давно женат на другой женщине, а пойти и заработать? Как? Да есть миллион способов заработать. Надо только не бояться работы... И никогда ни от кого ничего не ждать...

Я пишу тебе так резко, потому что могу все это сказать твоей маме в лицо. Только слушать она никого не будет, как и меняться. Так ты-то смотри и делай выводы.

Ты же умная девчонка! Анализируй, задавай себе вопросы, ищи ответы... Вспомни хоть один раз из своего детства, когда ты слышала, чтобы мама сказала тебе и Альке: «Вот, девочки, какой у нас папа замечательный...» Как вспомнишь – напиши сразу, пожалуйста.

Ты понимаешь, что папа всегда в вашей семье был плохой?

И это отношение к отцу вбито в твою голову. Как и записка про то, что папа тебе по жизни должен, намертво приколочена к твоему мозгу... Папа должен. Почему? Потому, что мама «рассчитывает на его деньги». Это ее слова!

Мы сейчас можем все переругаться, обидеться, но у тебя **ВПЕРЕДИ ВСЯ ЖИЗНЬ!** И ты должна прожить ее **СЧАСТЛИВО!**

А так никогда не будет, если все человеческие отношения

закljučаются только в подсчетах, кто кому сколько когда дал или до сих пор должен.

Масенька! Девочка моя! Если бы папа тебя не любил, разве бы он с тобой так общался? Разве бы он тебя не воспитывал? Воспитывают только тех, кого любят...

Я снова пробегаю глазами по твоему письму...

Скажи, ну почему ВСЁ, абсолютно ВСЁ упирается в деньги?

На самом деле, конечно, вы оба хороши... В конце концов, ему лет больше, чем тебе, и опыта жизненного побольше.

Давай я попробую без эмоций. Хотя сложно...

Честно говоря, я, оправдывая поступки Марины Алексеевны все эти годы, сломалась прошлым летом, когда шли разборки из-за твоих поездок на юг и в Москву...

Ну почему, почему все время скандалы, крики и обвинения? Неужели папа никогда и ничего не сделал хорошо? Так просто не бывает!!!

8 апреля 2008 в 12:30

Маргарита – Екатерине

Я ж писала, что папа никогда не интересовался моей жизнью и многого обо мне не знает, точнее, не захотел узнать, хотя я ему рассказывала. А этот разговор и все вышесказанное – мнение только мое. И все деньги мама тратит только на меня – это так, краткий ответ на письмо. Же-

лания разговаривать с папой у меня сейчас нет, а у него его, по-моему, никогда нет, как я в этом еще раз убедилась. Он никогда не знал о моих интересах, он, наверное, до сих пор думает, что мое любимое занятие – домашняя работа над учебой...

8 апреля 2008 в 21:38

Екатерина – Маргарите

К сожалению, все произошло так, как произошло. Папа пересказал мне ваш сегодняшний разговор. Деньги отправим завтра же.

Может, когда-нибудь ты поймешь, что папа тебе не должен по жизни, а просто нужен. Главное, чтобы к тому времени, когда ты все-таки (я очень на это надеюсь) это поймешь, было у кого попросить прощения. Будь счастлива.

С тех пор я с Маргаритой не общалась. Если, конечно, не считать ежемесячных походов на почту или в сберкассу, чтобы отправить ей алименты. Ни разу мы не получили от этой молодой барышни сообщения о том, дошли ли деньги. Так и отправляли их в пустоту до момента окончания учебы Маргариты в университете. Правда, пустота начинала звучать, как только случались с нашей стороны задержки с выплатами...

...В конце мая было решено отметить завершение учебного года Машей и Егором поездкой в аквапарк. Я согласовала планы нашей всегда занятой и активной семьи, и мы назначили дату маленького семейного торжества.

В намеченный день с утра мы собирались встретить родственников Андрея, которые были проездом в Москве, а потом ехать развлекаться. С Алей договорились встретиться в центре города. Я думала: «Чем девчонке вставать ни свет ни заря в выходной день, чтобы доехать с нами в машине до вокзала, пусть она лучше поспит подольше в выходной и придет к месту встречи на метро».

Мы как-то долго ехали в тот раз: то ли пробки, то ли выехали позже положенного.

Дни тогда были у меня непростые. Мы совсем недавно узнали, что ждем Ивана, и я боялась всего и вся: в памяти еще жили воспоминания о совсем недавней утрате – потере беременности, и я боялась даже дышать. Мы уже сообщили чудесную новость о скором прибавлении в нашей семье Егору и Маше, и я ждала подходящего случая, чтобы поговорить об этом с Алей.

Тогда же тяжело заболела моя бабушка. Речь шла об очень серьезной ситуации, и я потратила много душевных сил на то, чтобы поддержать моего папу и его сестру – пусть совсем взрослых, но детей, у которых умирала мама.

Одним словом, я была не в своем обычном боевом и жизнерадостном расположении духа.

Аля звонила отцу несколько раз. Сначала по поводу того, где и во сколько, потом «я на месте», потом «ну где вы?», а потом «зачем надо было говорить, что я должна быть во столько-то, если сами опаздываете?!».

Отец спокойно отвечал на все ее звонки и вопросы, но в конце концов отрезал: «Я тебе сказал, где ты должна быть и во сколько? Стой и жди, пока мы не приедем. И не дергай меня: я за рулем».

Я даже не стала пенять мужу на его тон. У меня не было сил. Да и потом, сколько можно стоять между ними? Она не понимает элементарных вещей, что ли? Попробовала бы я своему папе так названивать...

То, что происходило дальше, я помню как вчера. Когда мы пришли к назначенному месту, Алевтина рыдала. Рыдала в буквальном смысле этого слова. Стояла посреди улицы и навзрыд плакала, не обращая внимания ни на прохожих, которые оглядывались на нее, ни на нас, подошедших. Маша и Егор сразу схватили Алю за руки, начали гладить по плечам, как-то пытаться обнимать ее. Старшая сестра отталкивала их и огрызалась.

Я подошла к Алевтине:

– Что случилось? Кто тебя обидел?

– Ты слышала, как папа со мной разговаривал? Я что ему – рабыня?! – вдруг на всю улицу закричала она в ответ.

Я даже отшатнулась. Набрала воздуха, помолчала и, взяв себя в руки, как можно спокойнее ответила:

– Аль, папа все правильно тебе сказал: пришла – стой и жди. Чего названивать, тем более он за рулем?..

От этих моих слов рыдания усилились. Я к Андрею:

– Иди к ней, объяснись, сейчас родня соберется. Стыд-то какой...

– Кать, я не пойду, это бесполезно.

– ?!

– Это истерика. Обычная истерика ее мамы... Успокаивать бесполезно. Смотри, что будет дальше.

– Неудобно же, на нас все смотрят!

– А ей этого и надо...

Я ничего не понимала.

Подошли родственники. Конечно, все сразу – к Але. А Алевтина содрогается от рыданий, объяснить ничего не может и в руки себя взять – тоже. Идем в кафе, чтобы пообщаться. Аля трясется. Сидим в кафе. Продолжает плакать. Провожаем родственников. Дрожит и всхлипывает. Проводили. Сели в машину.

Совершенно непонятно, куда ехать: веселиться в аквапарке нам расхотелось.

Маша и Егор, которые видели все, что происходило с самого начала, слышали ответы папы на звонки старшей сестры, сидели тихо, как воробушки. Они смотрели то на старшую сестру, то на папу, то на меня, и я видела, что они не

знают, как себя вести.

Егор пытался взять Алю за руку – сестра выдергивала свою руку и шипела: «Не трогай меня...»

А Маша теребила меня и просила дать Але «какую-то таблетку для настроения».

Я уже поняла, что происходит, хотя подобную женскую истерику видела впервые в своей жизни.

Мне было нестерпимо стыдно перед Машей, которой уже исполнилось шесть лет, и перед маленьким мужчиной Егором, которому через месяц должно было исполниться девять. Они уже все запоминали...

Аля уселась на переднее сиденье рядом с отцом, продолжая всхлипывать.

А я боялась даже взглянуть на мужа. За все годы нашей жизни с ним я плакала в лучшем случае два-три раза...

Андрей медленно, делая паузы между словами, обратился к старшей дочери:

– Даже если предположить, что я был не прав в форме подачи материала, ты не можешь себе позволять подобные истерики. Ты понимаешь, что таким своим поведением унижаешь не только нас, но прежде всего себя?..

– Ну пап... – тут же ответила Алевтина. Было такое ощущение, что она ждала, когда отец начнет с ней объясняться.

– Ты о детях подумала? Они же испугались! Ты рыдала так, как будто кто-то умер...

– А что ты...

– Аля! Если ты немедленно не возьмешь себя в руки и не успокоишься, я высажу тебя из машины. Я не намерен любоваться твоей истерикой. Ты на пустом месте устроила сцену...

– Я?! Это ты наорал на меня при всех, выставил идиоткой...

– Аль... Это сейчас плохо закончится. Я не орал «при всех», а отвечал лично тебе на звонки по телефону. Ты хоть бы младших брата и сестру постеснялась... Они ведь все видели и слышали... И потом, Аль, нам всем надо побереечь Катю. Ей сейчас совсем нельзя нервничать. Мы ждем ребенка...

И вдруг – никаких слез, абсолютно ясные глаза, улыбка и:

– Ой, а почему вы мне раньше не сказали?..

Я обалдела: мгновение – и все... Человек вмняем, и ничто не напоминает о рыданиях. Ну, только если красные глаза и распухший нос.

Какое-то время мы ехали в тишине. Потом Андрей включил радио.

Воздуха внутри меня стало как-то побольше. Мне было так стыдно... Во мне все горело. Перед глазами еще стояли встревоженные лица наших родственников, которые застали эту сцену со слезами Али. Я сомневалась, правильно ли сделала, никому не объяснив, что происходит, ведь очевидно,

что все, кто не был внутри нашей ситуации, сочувствовали Але, жалели Андрея, который «разрывается между детьми от второго брака и дочерью», и корили меня... Разве допустила бы родная мать публичную истерику дочери?!.

И у Егора, и у Маши случались детские истерики на почве «Хочу! Купи!» Трехлетний Егор однажды лежал в луже зимней грязи посреди магазина... Я, помню, наклонилась к нему, орущему, и так, чтобы никто не слышал, сказала: «Успокоишься, встанешь и выйдешь. Я жду тебя на улице». Повернулась и ушла. О, под каким градом взглядов я – жена мэра – выходила из магазина... Чего мне стоило оставить сына в таком состоянии, знаю только я. Но я была глубоко убеждена: это единственный способ прекратить подобные выходы один раз и навсегда. И оказалась права.

А четырехлетняя Маша устраивала мне каждый вечер концерты по поводу и без. Ее главной задачей было дождаться возвращения с работы папы. Как только отец переступал порог квартиры, Маша превращалась в нечто. Но все имеет предел. И мое терпение тоже. Тем более что в тот вечер дочь впервые в жизни закатила настоящую истерику. Со слезами, с криками, переходящими в визг. Маша должна была выпить обязательную ежевечернюю чашку кефира. Когда полились слезы и я увидела, что дочь «в ударе», я закрыла дверь на кухню, запретив Егору и Андрею даже подходить к нам, и жестко, но без крика, не обращая внимания на Марусины «страдания», сказала ей:

– Если ты сейчас же не успокоишься, я вылью этот кефир тебе за шиворот!

Я сразу почувствовала, что Маша испугалась, но через мгновение с новыми силами заголосила:

– Не буду! Ненавижу кефир! Он гадкий! Папа-а-а-а! Скажи ей...

Я взяла в руки чашку и... вылила кефир дочери на голову...

Давно где-то читала, что любую озвученную угрозу о наказании ребенку надо доводить до конца. Вот я и довела...

Маша сразу замолчала. Вытаращила на меня глаза и, еще всхлипывая, прошептала:

– Мам! Теперь же меня мыть придется, а вещи стирать...

– Ничего страшного, Марусь, справимся... Иди в ванную... А я пока здесь все уберу.

Моя маленькая девочка уходила из кухни, вытирая с лица потеки кефира, абсолютно молча и стараясь, чтобы папа и Егор не увидели то, что произошло между нами.

А перед сном я сказала дочери:

– Я очень прошу тебя простить меня. Но пойми: истерика – это так стыдно... Ты должна быть леди, а вела себя как баба... Чувствуешь разницу?

– Да, мамочка, и ты меня прости.

С тех пор и по сей день я никогда не сталкивалась с истериками у младшей дочери. Правда, тогда в вечернюю жизнь нашей семьи мы внесли коррективы: папа, приходя с рабо-

ты, не спускал Машу с рук, разговаривая с ней, обнимая и приласкивая.

Я ехала в машине, сидя за Алей, смотрела на ее затылок, на котором болтался вечный рыжий хвостик, и думала... Думала о том, что даже не представляю, где, в чем корни такой вседозволенности, такого нежелания и неумения контролировать себя, быть выдержанной и достойной... Я не знала, как росла эта рыжеволосая девочка. Не понимала, как ей помочь...

Вспоминала все случаи своих публичных слез...

Вот, помню, когда у меня на глазах моего щенка задавила машина, – плакала. Нет, рыдала.

Помню свои слезы при людях еще в родильном зале сразу после рождения и Егора, и Маши...

На похоронах дедушки... Уже когда гроб в могилу опустили, расплакалась...

Вот еще: однажды зимой шла по улице Прионежска, катила перед собой коляску, в которой спала годовалая Маша, вела за руку трехлетнего Егора и плакала, не стесняясь.

Я вышла тогда после очередного общения с чиновниками соцслужбы, где оформляла положенные мне на детей выплаты и где надо мной откровенно издевались, подхихикивая: «А теперь принесите нам справку про то, сколько заработал ваш муж за прошлый год... Он стоял на учете на бирже труда? Ну, принесите нам справку оттуда... Ну и что, что

у вас двое маленьких детей? Есть распоряжение губернатора, и мы не можем отступить от буквы закона... Нет, мы не можем вам навстречу пойти. Если бы ваш муж, будучи мэром, шел навстречу всему городу, вы бы сейчас здесь не стояли...» Да... А я стояла, унижалась и пыталась добиться хоть каких-то выплат, потому что нам элементарно не на что было жить. Я не могла бесконечно скрывать от Андрея, который как семижильный вкалывал в Москве, что нам не хватает денег на лекарства для Маши... Я помню, как, выслушав эту отповедь от чиновницы соцслужбы, произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.